За руку с демоном

Мари Люброн

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мари Люброн

За руку с демоном

«Автор»
2026

Люброн М.

За руку с демоном / М. Люброн — «Автор», 2026

С детства Нина доверяла демону больше, чем людям. Дан утешал её, защищал и всегда находил нужные слова. Его страшный облик давно стал для неё родным.Она выросла, влюбилась и захотела жить своей жизнью. Но после смерти бабушки прошлое начало открываться с неожиданной стороны — и в нём оказалось слишком много места для Дана.Теперь Нине предстоит узнать, что скрывал её самый близкий друг и почему он так боится её потерять. А самое трудное — решиться искать правду о том, в чьих объятиях ей всегда было спокойно.

© Люброн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 35
Глава 7 39
Глава 8 43
Глава 9 46
Глава 10 50
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Мари Люброн
За руку с демоном

За руку с демоном
Мари Люброн
2026

© 2026 Мари Люброн
Все права защищены.

Глава 1

Нина стояла рядом с отцом, держась за его руку, пока бабушка рассматривала сумку с её вещами.

— Как договаривались, мам. Присмотри за ней два дня.

— Я помню, о чём мы договаривались. Можешь не повторять с порога.

Отец поставил сумку возле стены. Бабушка занимала почти весь дверной проём, и Нина прижалась к его ноге: чтобы пройти в дом, пришлось бы протиснуться мимо неё.

— Мы посмотрим дом и сразу обратно. Если всё подойдёт, внесём плату.

— Для этого обязательно тащиться на другой конец страны? Поближе ничего не нашлось?

— Мам, мы уже это обсуждали.

— Теперь мне и спросить нельзя?

Нина потянула отца за край куртки.

— А там будет моя комната?

Он присел перед ней, и разговаривать сразу стало легче.

— Мы же ещё не видели дом, Нинуль. Приедем, посмотрим, потом тебе всё расскажем.

— А если будет моя комната, можно с большим окном?

— Постараемся найти с большим.

— Вы ещё дом не купили, а уже комнаты делите, — заметила бабушка.

Отец поднялся. Нина снова поймала его руку.

Ей хотелось попросить, чтобы он остался. Хотя бы ненадолго, пока они разберут сумку и бабушка перестанет сердиться. Но мама с папой собирались с самого утра, говорили о дороге, проверяли, всё ли взяли. Нина уже поняла: ехать им нужно далеко.

— Две ночи? — уточнила она и показала два пальца.

Отец коснулся их своими.

— Вот столько поспишь, и мы вернёмся.

Она обняла его за шею. Он подхватил её, прижал к себе, поцеловал возле уха.

— Слушайся бабушку. А если что-нибудь понадобится, попроси её нам позвонить.

— Ты собираешься наконец ехать? — спросила бабушка. — Сам же торопился.

Отец поставил Нину на пол.

— В сумке одежда и всё остальное. Мам, пожалуйста, посмотри вечером, чтобы она…

— Разберусь. Ребёнка я уже вырастила.

Нина проводила его до двери. На пороге он обернулся и помахал ей. Она махала, пока дверь не закрылась.

Бабушка подняла сумку.

— Идём, покажу, где будешь спать.

В доме было много красивых вещей. На полках стояли фигурки, за стеклянными дверцами блестели чашки и тарелки. Нина засмотрелась на них и чуть не отстала. Дома чашки доставали из обычного шкафа, а эти были выставлены так, словно из них нельзя пить.

Бабушка шла впереди. На её руке поблёскивало кольцо, гладко уложенные волосы открывали шею. У других бабушек, которых Нина видела с детьми, были седые пряди, морщинки возле глаз, мягкие щёки. Эта могла бы оказаться чьей-нибудь мамой: красивой, с яркими губами, к которым страшно прикоснуться, чтобы случайно не размазать помаду.

Нине нравилось разглядывать её издалека.

Бабушка внесла сумку в комнату и положила на кровать.

— Здесь устроишься.

Нина заглянула за её плечо.

— А ты где будешь спать? Далеко?

— У себя. В этом же доме, куда я денусь? Разбирай вещи.

Когда бабушка ушла, Нина расстегнула сумку. Сверху лежала одежда на вечер, сложенная мамой. Девочка просунула пальцы между мягкими складками, затем вытащила всё и прижала к груди.

Две ночи можно было потерпеть.

* * *

Ночью её родители ещё ехали по трассе.

Разметка возникала в свете фар и исчезала под колёсами. Впереди тянулась дорога к дому, который они собирались посмотреть; на встречной полосе приближался грузовик.

Его водитель заснул за рулём.

Тяжёлая машина пересекла разметку. Отец Нины нажал на тормоз, попытался уйти в сторону, но грузовик уже занимал дорогу перед ним.

После лобового столкновения ни он, ни его жена не выжили.

В бабушкином доме Нина спала, поджав колени под одеялом.

* * *

Утром она отправилась искать бабушку.

При свете из окон дом выглядел иначе. Теперь можно было рассмотреть картины, заглянуть в комнаты, задержаться возле столика с тяжёлой вазой. Нина наклонилась над её горлышком, проверяя, что внутри, и тут услышала голос:

— Мы с тобой об этом не договаривались.

Она выпрямилась.

Бабушка говорила так же сердито, как вчера с папой. Нина прислушалась: вдруг он уже вернулся?

— Посмотри, что творится. Нет, ты меня послушай…

Дверь в бабушкину комнату была приоткрыта. Девочка подошла и заглянула в щель.

Бабушка стояла боком к двери, придерживая пояс халата. Смотрела в глубину комнаты, туда, где от стены падала тень, и вдруг резко взмахнула рукой, словно перебила собеседника.

Нина толкнула дверь.

В комнате была только бабушка.

— Ты с кем разговариваешь?

Та обернулась так быстро, что девочка отшатнулась. Бабушка посмотрела за её спину, в коридор, затем снова на неё.

— Какого хрена ты сюда зашла?

— Я тебя искала…

— Кто разрешил заходить в мою комнату? Пошла на хрен отсюда!

Нина отскочила от порога. Дверь захлопнулась, и девочка прижала руки к животу: ещё чуть-чуть — прищемило бы пальцы.

За дверью бабушка снова заговорила, теперь тише.

Нина пошла обратно. У столика с вазой пришлось остановиться и вспомнить, куда повернуть. Добравшись до своей комнаты, она забралась на кровать, придвинула сумку и уткнулась лицом в мамину укладку.

Одну ночь она уже поспала. Оставалась ещё одна.

— Ты есть собираешься?

Бабушка стояла в дверях.

Нина торопливо вытерла щёки рукавом.

— Собираюсь.

— Тогда иди на кухню. Буду я ещё тебя по всему дому искать.

Девочка слезла с кровати и пошла следом, держась в нескольких шагах от неё.

На кухне бабушка достала из холодильника колбасу, положила на доску и взяла нож. Лезвие скользнуло по оболочке. Она надавила сильнее, начала пилить.

— Ничего не режет, зараза.

Второй нож оказался таким же тупым. Наконец бабушка отделила половину палки и бросила её на тарелку. Добавила толстый кусок хлеба.

— Ешь.

Нина забралась на стул.

— А маленькими кусочками можно?

— Видишь, какие ножи? Бери так. Зубы у тебя есть.

Колбасу пришлось держать обеими руками. Нина откусила с неровного края и принялась жевать.

На этой кухне всё блестело, но пахло совсем не так, как дома. У мамы по утрам обычно что-нибудь шипело на сковороде или кипело под крышкой. Здесь на плите стояла только закрытая кастрюля.

— У меня варенье есть, — сказала бабушка. — Сливовое. Сама варила. Будешь?

Нина поспешно кивнула. Бабушка произнесла это почти довольно, и девочке захотелось, чтобы она ещё немного побыла такой.

Кастрюля перекочевала на стол. Под крышкой оказалась тёмная блестящая масса, присохшая к стенкам.

Нина взяла ложку и попробовала зачерпнуть.

Ложка упёрлась.

— Оно твёрдое.

— Сахара много положила. Зато не испортится. Ковырни сбоку, чего ты его гладишь?

Нина придержала кастрюлю за ручку и надавила сильнее. Металл скрежетнул по стенке. После нескольких попыток удалось отколоть кусочек.

Сладость сразу свела рот. Варенье липло к зубам, а под сахаром проступала горечь. Нина пыталась проглотить, но кусочек пристал к нёбу; пришлось счищать его языком.

Бабушка ждала.

— Ну как?

Девочка кивнула и потянулась к хлебу.

— Ешь, раз нравится. Картошки могу тебе потом пожарить, а всё остальное готовить я не умею и не собираюсь. Мне это не нужно, я дома почти не ем.

Нина взглянула на чёрное пятно, открывшееся на дне кастрюли.

— Я уже наелась.

— Колбасу убери в холодильник. И слушай меня: нянчиться с тобой я не буду. У меня свои дела. Сиди спокойно и ничего не трогай.

Девочка сползла со стула. Дверцу холодильника пришлось тянуть обеими руками. Когда она закрыла её, бабушка уже вышла.

На столе осталась кастрюля с торчащей в варенье ложкой.

Нина посидела ещё немного, разглядывая узор на столешнице. Потом спустилась и отправилась к бабушкиной комнате.

Из коридора был виден край стола. Бабушка сидела над разложенными картами.

Нина задержалась у двери.

— Чего там стоишь?

— Можно посмотреть?

— Иди. Только руками не хватай.

Девочка подошла к столу. Карты лежали ровными рядами; на каждой была картинка. Рядом громоздились книги, из которых торчали сложенные бумажки.

— Это для игры?

— Гадальные. По ним смотрят, что было и что будет.

Нина перевела взгляд с карт на бабушку.

— Прямо всё?

— Если умеешь, многое увидишь.

Бабушка вынула карту из середины ряда и положила поверх другой. Нина следила за её пальцами: ей хотелось понять, в какой момент появится то, чего пока нет.

Возле локтя лежала раскрытая книга.

— А здесь тоже про карты?

— Здесь заговоры.

Бабушка придвинула книгу и перелистнула несколько страниц. Среди строчек попадались странные знаки. Нина знала отдельные буквы, но разобрать написанное не могла.

— Это надо читать вслух?

— Иногда вслух. Иногда так, чтобы никто не слышал.

Нина наклонилась ближе. Её пустили к столу, показывали книги, отвечали на вопросы. Утренний крик отступил; теперь хотелось рассмотреть всё, пока бабушке не надоело.

Та заметила её любопытство и усмехнулась.

— Думаешь, это всё сказки? Я вот однажды возле кладбища шла. Уже темно было, света там почти нет. Слышу — сзади кто-то идёт.

— А зачем ты туда пошла?

— Надо было. Слушай, если начала. Я остановилась — и он остановился. Я дальше — он за мной. Всё ближе, ближе…

Нина посмотрела на открытую дверь.

— Кто?

— Сначала я тоже не знала. Обернулась, а это покойник. Из могилы вышел и идёт.

— Он же мёртвый.

— Ну и что? Ты откуда знаешь, на что они способны?

Бабушка говорила буднично, будто встретила у кладбища знакомого. Нина упёрлась животом в край стола.

— Я шаг прибавила — он тоже. Побежала, слышу, уже за самой спиной. А впереди фонарь стоял. Думаю: только бы добраться до света.

— Ты добежала?

— Добежала. Оборачиваюсь — никого. Только часы на земле остались.

Бабушка открыла ящик.

— Вот эти.

На её ладони лежали наручные часы.

Нина смотрела на них. Сказку можно было перестать слушать, закрыть книгу, попросить рассказать другую. А часы были настоящие. Их принесли с того места, где за бабушкой гнался мёртвый человек.

— У него на руке были, — продолжала бабушка. — Я заметила, когда он ко мне потянулся. Потом смотрю — валяются. Подняла, а что добру пропадать?

Она поднесла часы ближе.

Нина отступила.

— Убери их.

— Чего испугалась? Сама же слушала.

— Бабушка, убери.

Та всё ещё держала их на ладони, разглядывая внучку с любопытством.

Нина попятилась, задела плечом косяк и выскочила в коридор.

— Ты куда понеслась?

Девочка бежала к комнате с диваном. Между подлокотником и стеной оставалось узкое место; она забралась туда, села на пол и подтянула колени.

Здесь можно было прижаться спиной к стене.

Нина закрыла рот ладонью, но всхлипы всё равно прорывались. Часы стояли перед глазами. Если бабушка забрала их, покойник мог прийти за своей вещью. Найти дом, войти в комнату, где они лежат. Ведь из могилы он уже выбрался.

Где-то щёлкнуло.

Девочка вжалась глубже в угол.

Ей хотелось к маме. Мама могла бы посадить её рядом, сказать, что бабушка выдумывает, и убрать часы так далеко, чтобы больше никогда их не видеть.

— Мамочка, забери меня, — прошептала Нина, уткнувшись в колени.

* * *

Звонок телефона заставил её поднять голову.

Аппарат стоял в коридоре. Нина слышала его даже из своего угла и ждала, когда бабушка подойдёт. Может быть, это папа. Можно будет попросить трубку и сказать ему, что она больше не хочет оставаться здесь.

Послышались шаги.

— Да?.. Я его мать. Что случилось?

Нина выглянула из-за подлокотника.

Бабушка стояла возле столика с телефоном, прижимая трубку к уху.

— Подождите. Какое столкновение?

Девочка выбралась из укрытия.

— Нет, вы проверьте. Они вчера уехали… Да, на машине. Но вы же можете ошибиться.

Бабушка ухватилась за столик. Нина видела, как побелели костяшки её пальцев.

— Оба? А сын? Вы мне про сына скажите.

Она назвала фамилию, медленно, отчётливо, словно незнакомый человек на другом конце провода плохо её расслышал. Потом опустилась на стул.

Нина подошла к выходу из комнаты.

Вчера на этом месте стояла её сумка. Папа приседал перед ней, трогал пальцы и обещал приехать. Сейчас бабушка говорила о нём так, что Нина боялась спросить, когда он вернётся.

Трубка качнулась над аппаратом. Бабушка попыталась положить её, промахнулась и наконец попала.

— Господи… Сыночек…

Она закрыла рот рукой, но из-под ладони вырвался странный сдавленный звук.

Нина остановилась рядом со стеной.

Бабушка посмотрела на неё. На мокрые щёки, растянутый рукав, которым девочка вытирала лицо. Приподнялась со стула, будто собиралась подойти, но снова села.

— И что мне теперь с тобой делать?

Нина вцепилась в край кофты.

— Это папа звонил?

— Не спрашивай сейчас.

— А когда он…

— Нина, я сказала: не сейчас!

Бабушка согнулась, прижимая руки к лицу. Плечи её затряслись.

Нина впервые видела, как она плачет. Стояла рядом и ждала, что та объяснит, чем ей помочь. Можно было принести воды, позвать кого-нибудь, только кого — здесь девочка знала одну бабушку.

* * *

Ко дню похорон Нина уже слышала много раз: мама и папа умерли.

Слова были знакомые. Но папа совсем недавно держал её на руках, а мама складывала в сумку одежду. Дома оставались их вещи. Должны были остаться чашки, из которых они пили утром, мамины тапочки, всё, к чему они прикасались перед отъездом.

Нина стояла возле бабушки и смотрела на цветы.

Их принесли так много, что за ними трудно было что-нибудь увидеть. Девочка приподнималась на носки, держась за бабушкину руку. Пальцы то ослабевали, то сжимали её ладонь до боли.

Потом бабушка отпустила её и пошла к гробу сына.

— Сыночек мой… На кого же ты меня оставил?

Она наклонилась, положив руки на край, и заплакала громче.

Нина смотрела на знакомое красивое лицо. Помада стёрлась, мокрые пряди прилипли к щекам. Бабушка повторяла «сыночек» и тянулась к нему, будто собиралась поднять.

— Как же я теперь без тебя? Как же я одна?..

Взрослые подходили, говорили ей что-то, брали под локоть. Она высвобождалась и опять склонялась к сыну.

Мама лежала рядом.

Бабушка всё время оставалась у папы. Нина повернулась к маминому гробу, сделала шаг, но впереди сомкнулись чужие пальто. Она испугалась потерять бабушку из виду и остановилась.

Ей хотелось подойти. Хотелось, чтобы кто-нибудь взял её за руку и подвёл к маме.

Нина сцепила пальцы перед собой и стала ждать, когда освободится дорога.

От долгого стояния заболели ноги. Она переступала с пятки на носок, смотрела то на цветы, то на бабушку. Всё ещё ждала, что взрослые закончат свои разговоры и можно будет поехать домой.

Когда пришло время прощаться, бабушка закричала.

Нина заплакала вместе с ней. Кто-то проходил мимо, шуршала одежда, двигались цветы, а бабушка звала сына всё отчаяннее. Девочка уже поняла: сейчас с мамой и папой сделают что-то, после чего увидеть их будет нельзя.

С кладбища они уходили вдвоём.

Бабушка держала её за руку и шла тяжело, глядя под ноги. Нина поспевала рядом, иногда переходя на короткий бег. Платок в бабушкиной свободной руке был скомкан и мокр.

Девочка оглянулась. Место, где остались родители, уже скрывалось за другими могилами.

— Вперёд смотри, — сказала бабушка. — Ещё упадёшь.

Нина повернулась.

Они миновали несколько оград, прежде чем бабушка заговорила снова:

— Теперь придётся тебе у меня жить.

— А домой?

— Кто с тобой там будет? Я одна осталась, мне теперь и за собой смотреть, и за тобой. Или в детдом пойдёшь.

Нина споткнулась.

— Я не хочу в детдом.

— Тогда слушаться будешь. Там никто с тобой возиться не станет: поела, оделась — и делай, что велят.

Девочка старалась разглядеть её лицо.

— А ты меня отдашь?

Бабушка остановилась.

— Если будешь вести себя плохо, отдам. Думаешь, мне легко? Сына похоронила, теперь ещё тебя растить.

Губы у неё задрожали. Она вытерла лицо платком и продолжила:

— Там все чужие, Нина. Будешь плакать — никто не прибежит, как твоя мать. Так что сразу запоминай: меня надо слушаться.

Нине представился ещё один большой дом, с длинным коридором и закрытыми дверями. За каждой были люди, которые могли накричать и прогнать её.

Она перехватила бабушкину руку обеими руками.

— Я с тобой останусь.

— Тогда чтобы по десять раз повторять не приходилось.

Бабушка двинулась дальше. Нине пришлось идти вполоборота, неловко переставляя ноги, зато теперь можно было держаться крепче.

— Я буду тебя слушаться, бабушка, — сказала она. — Только ты меня никому не отдавай.

Глава 2

После похорон бабушка пила.

Сначала Нина ещё встречала её на кухне. Та доставала стакан, наливала себе и подолгу стояла у окна. Иногда начинала плакать, и девочка подходила, надеясь, что теперь можно будет прижаться к ней.

— Иди, Нина. Не мешай.

Потом бабушка стала забирать бутылку в свою комнату. За закрытой дверью раздавались шаги, сердитое бормотание, обрывки разговора. Нина старалась держаться подальше: после истории с часами ей всё ещё было страшно возле этой комнаты.

На третий или четвёртый день в доме стало тихо.

Девочка уже умылась, оделась и несколько раз прошла по коридору. Наконец решилась постучать.

— Бабушка, ты спишь?

Она подождала, постучала снова и потянула за ручку. Дверь была заперта.

Нина прижалась к ней ухом. Сейчас даже сердитое «чего тебе» обрадовало бы её. Но за дверью не слышалось ни кашля, ни скрипа кровати.

Вчера бабушка тоже долго не выходила. Нина тогда решила подождать, легла спать, а теперь проснулась — и всё оставалось по-прежнему.

В животе тянуло от голода.

Девочка отправилась на кухню. В холодильнике нашлись подсохшая колбаса, яйца и закрытая консервная банка. Нина поставила банку на стол, повертела в руках, попробовала поддеть крышку ногтем. Палец заболел, а на гладком железе даже царапины не осталось.

Пришлось вернуть консерву на полку.

Хлеб лежал на прежнем месте. Нина отломила кусок, затем придвинула стул к столу и взяла нож. Тот самый, на который ругалась бабушка.

Лезвие скользило по колбасной оболочке. Девочка прижимала колбасу ладонью, пилила, нажимала сильнее. Стул качнулся, и она поспешно села.

— Бабушка! — позвала Нина, испугавшись собственного громкого голоса.

Ответа она так и не дождалась.

Тогда положила нож, попробовала разломить колбасу руками и в конце концов откусила с края. Оболочка потянулась за зубами; Нина вытащила её изо рта и оставила на тарелке.

Если бабушка тоже умерла, кто теперь за ней придёт?

Нина смотрела в коридор, удерживая во рту непрожёванный кусок. Там была запертая дверь, а за ней — бабушкина кровать, стол и часы покойника. Войти и проверить казалось страшнее, чем ждать на кухне.

Но сколько можно ждать?

Девочка проглотила колбасу и заплакала. Тёрлась щекой о плечо, чтобы слёзы не капали на хлеб, пыталась остановиться. Она ведь обещала слушаться, а теперь трогала вещи без разрешения и шумела. Если бабушка жива, то обязательно рассердится.

— Нож лучше положить подальше от края.

Нина вскинула голову.

В дверях стоял кто-то огромный и чёрный. Рога поднимались от его лба, загибались назад и почти сливались с темнотой коридора.

Девочка дёрнулась к спинке стула.

— Не бойся. Я останусь здесь.

Незнакомец опустился на корточки. Полоска света легла на его голову, и Нина различила тяжёлые рёбра на рогах, сероватый блеск чёрной кожи. На тёмном лице особенно ярко выделялись глаза — коричневые, с золотистым отблеском.

За его ногой шевельнулся хвост.

Нина подтянула ступни на сиденье и обхватила колени. Он чуть подался в сторону, освободив проход.

— Ты покойник? — спросила она.

— Нет, Нина. И с кладбища я не приходил.

От собственного имени в его устах ей стало ещё страшнее.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Слышал, как тебя называла бабушка.

Нина вытянула шею, пытаясь заглянуть ему за спину.

— Она умерла? Я стучала, а она не отвечает. И вчера тоже не выходила.

Последние слова слились со всхлипом.

— Твоя бабушка жива. Она много выпила и теперь спит.

— Ты точно знаешь?

— Точно. Она проснётся.

Нина вытерла лицо ладонями. Бутылку она видела сама. И стакан, и то, как бабушка уносила всё к себе. Значит, этот чёрный тоже её видел. Может быть, он даже был в комнате и знает, что там происходит.

Он сидел возле двери, неудобно согнув длинные ноги. Вместо ступней у него были чёрные раздвоенные копыта; одно стояло на плитке боком. Нина спустила ногу со стула, но тут же снова подобрала её.

— А тебя как зовут?

— Дан. Можешь так меня и звать.

Хвост сдвинулся по полу. Девочка следила за ним, пока кончик не замер возле копыта.

— Он у тебя сам шевелится?

— Иногда. Но сейчас я попрошу его полежать спокойно.

Кончик хвоста качнулся ещё раз и затих.

Нина посмотрела Дану в лицо. Он ждал, и она успела рассмотреть длинные руки, пальцы с когтями, выступающие суставы. Взгляд вернулся к хвосту: тот всё ещё лежал смирно.

— Ты пыталась поесть? — спросил Дан.

Нина показала на тарелку.

— Не режется. И банка не открылась. Нож плохой, бабушка тоже не могла.

— С таким ножом и взрослому придётся повозиться. Можно я помогу?

Она кивнула, потом быстро добавила:

— Только не пугай меня.

Дан поднялся, придерживаясь за дверной косяк, и подошёл к столу. Теперь рога оказались высоко над Нининой головой. Она следила за ними, пока он наклонялся, затем осторожно подвинула ему тарелку.

В его руке нож казался совсем маленьким. Когти легли по сторонам колбасы, удерживая её, и лезвие вошло в подсохший край. Нина смотрела, как на тарелке появляются кусочки, которые можно взять двумя пальцами.

— Попробуй. Так удобнее?

Девочка взяла один, прожевала и потянулась за другим.

Дан убрал нож на дальнюю сторону стола. Нина ела, время от времени поглядывая на него. Он всё ещё был здесь — настолько большой, что из-за его плеча почти не было видно холодильника.

— А ты сейчас уйдёшь?

— Если хочешь, я посижу с тобой.

Она придвинула ему хлеб.

— Тогда тоже ешь.

Дан взял предложенный кусок и поблагодарил её. Когда откусил, Нина увидела длинные острые зубы. Замерла с колбасой в руке, но он спокойно жевал хлеб, и она понемногу вернулась к еде.

— Садись сюда, — сказала девочка, показав на свободный стул.

Дан отодвинул его и устроился боком. Хвост пришлось обвести вокруг ножки.

Нина заглянула под стол.

— А если ты на него сядешь, будет больно?

— Будет. Поэтому я сначала смотрю, куда его положить.

— Я не наступлю. Он там пусть лежит.

Она подвинула тарелку к середине стола.

— Колбасу тоже бери. Тут много.

Он взял кусочек, и Нина стала есть медленнее. Можно было откусить хлеба, посмотреть на его руку, спросить про хвост. Никто не торопил её убирать тарелку.

— А такими ногтями хлеб не порвёшь?

Дан повернул ладонь, разглядывая когти.

— Порву, если буду неосторожен. Видишь, я держу его вот так.

— У мамы тоже длинные были. Только поменьше. Она их розовым красила.

Нина провела пальцем по хлебной корке.

— Мне тоже один раз покрасила. Потом стёрла, потому что я маленькая. А когда вырасту, можно будет.

— Ты тоже розовым хочешь?

— Может, другим. Я ещё не выбрала.

Девочка посмотрела на свои ногти. Рядом с Дановыми они были крошечными. На одном пальце краснела полоска — там, где она пыталась подцепить крышку консервной банки.

— Это я банку открывала, — объяснила Нина, заметив его взгляд. — Уже не болит.

— Больше не пробуй ногтями. Для таких крышек нужна открывалка.

— Я не умею ей. А ты умеешь?

— Умею. И с готовкой кое-что могу подсказать, когда понадобится.

Нина расправила ладонь на столе, затем убрала её под тарелку.

— Бабушка сказала ничего не трогать. А я хотела есть.

— Еду для того и держат на кухне. Ты ведь её достала, чтобы поесть.

— А за это она будет ругаться?

Девочка показала на крошки и обрывок колбасной оболочки.

Дан собрал крошки возле своей руки.

— Мы сейчас уберём со стола. Ты доела?

Нина кивнула. Взяла оболочку, положила на край тарелки. Пока Дан доедал хлеб, она покачивала ногами и разглядывала его вблизи. Ей хотелось спросить, где он живёт, есть ли у него своя кухня и как он проходит в низкие двери, но сытость понемногу одолевала любопытство. Нина потёрла глаз и положила голову на согнутую руку.

Дан повернулся к коридору.

— Твоя бабушка проснулась. Мне пора.

Девочка выпрямилась.

— Она сейчас выйдет?

— Скоро. Я поговорю с ней, чтобы она больше так тебя не оставляла.

— Бабушка не любит, когда ей говорят.

— Всё равно поговорю. Ты оставайся здесь.

Он встал, отодвинув стул.

— Дан, а ты ещё придёшь?

— Приду.

В коридоре щёлкнул замок. Нина обернулась на звук; бабушкина дверь открылась, послышались шаги. Когда девочка снова посмотрела к столу, стул был пуст.

Бабушка вошла на кухню. Волосы у неё примялись с одной стороны, под глазами залегли тени. Она оглядела тарелку и лежавший поодаль нож.

— О, ты уже поела? Вот и хорошо.

Нина смотрела, как бабушка идёт к холодильнику, открывает его, переставляет что-то на полке. Живая. Можно было слышать её голос, видеть, как она хмурится от яркого света.

— Надо тебе учиться самой в магазин ходить, — сказала бабушка. — За хлебом, за колбасой. И яйца хотя бы жарить научишься. Не могу я постоянно возле тебя стоять. Ты слышишь?

— Слышу, бабушка.

— Тарелку убери, раз поела.

Нина взяла её, а свободный стул оставила отодвинутым.

* * *

Вечером бабушка опять с кем-то разговаривала у себя в комнате.

Нина остановилась в коридоре. Сначала голос звучал негромко, затем бабушка выкрикнула что-то сердитое. Девочка подошла ближе, но слова сливались за дверью. После паузы бабушка заговорила снова — медленно, останавливаясь, словно ей приходилось выслушивать ответы.

Дан обещал поговорить с ней.

Нина постояла, прижав руки к животу, и вернулась к себе. Заходить туда она боялась, а его голоса так и не услышала.

На следующее утро бабушка сама позвала её на кухню.

— Иди сюда. Учиться будем. Есть ты каждый день хочешь, значит, смотри внимательно.

На столе стояла миска, рядом лежали яйца.

Бабушка разбила одно и протянула Нине второе. Девочка обхватила его пальцами, осторожно стукнула о край миски.

— Смелее. Ты его только погладила.

От следующего удара скорлупа треснула, белок потёк по руке. Нина испуганно прижала локоть к боку.

— Над миской держи. Куда ты руку отвела?

Внутрь упали кусочки скорлупы. Бабушка выловила их, велела внучке вымыть руки и дала вилку.

Нина размешивала старательно, придерживая миску. Бабушка поправляла её, ворчала, показывала, как удобнее взяться. У плиты придержала за плечо, когда девочка слишком близко подалась к сковороде.

— Обожжёшься. Отсюда смотри, тебе всё видно.

Когда еда оказалась на тарелке, Нина забралась на стул. От яиц поднимался пар. Она отделила вилкой маленький кусочек, подула и попробовала.

— Вкусно. Я теперь сама смогу?

— Потренируешься — сможешь. Ничего сложного.

После завтрака Нина убрала тарелку и вытерла место, где пролила белок.

Бабушка стала реже кричать. Могла одёрнуть из-за брошенной вещи, резко потребовать отойти, если девочка оказывалась на пути, но иногда сама звала её к себе.

Однажды утром заглянула в комнату, пока Нина натягивала носок.

— Тебе что-нибудь снилось?

Девочка замерла, пытаясь вспомнить.

— Я как будто дома. Только дом другой. Открываю дверь, а за ней ещё одна.

Бабушка присела на край кровати.

— И куда ты попала? Вторую открыла?

— Не помню. Я всё открывала, а дальше…

Нина потеребила край носка. Пока она спала, всё было понятно; теперь сон распадался, и осталось только ощущение, что за следующей дверью обязательно окажется что-то интересное.

— Пойдём посмотрим, — сказала бабушка.

В своей комнате она достала толстую книгу и раскрыла её ближе к середине.

— Это сонник. Здесь написано, что сны означают.

Нина встала рядом. Бабушкин палец скользил по тесным строчкам, задерживался возле слов, напечатанных жирнее.

— А моя дверь там есть?

— Сейчас найду. Не торопи.

В книге говорилось о переменах и каких-то делах. Нина мало что поняла, зато слушала внимательно: её сон искали в большой книге, ради него бабушка отложила всё остальное.

— А если двери две?

— Надо смотреть, какие. Ты лучше запоминай. Проснёшься — сразу рассказывай, пока из головы не вылетело.

— Одна белая была. А вторая… Бабушка, а тут про кошку?

Она показала пальцем на знакомое слово.

— Читать умеешь?

— Это знаю. Что там про неё написано?

Бабушка прочитала и про кошку. Потом Нина спросила ещё о чём-то, и сон с дверями забылся. Она опиралась локтями о стол, разглядывала страницы и удивлялась, почему кошка должна означать совсем не кошку. Бабушка объясняла уверенно, порой раздражаясь, когда приходилось повторять, но книгу оставляла открытой.

В другие дни доставала карты.

Теперь Нина знала: ими не играют. Их раскладывают в определённом порядке, рассматривают, двигают. На столе появлялись дорога, разговор, человек, который должен прийти. Из картинок получалась история, и девочка старалась уследить, откуда бабушка её берёт.

— А эта зачем здесь?

— Руками не трогай. Смотри, я показываю.

Нина прятала ладони под стол. Зато книги с заговорами иногда разрешали листать. Она узнавала их по обложкам и охотно подавала нужную, когда бабушка просила.

Однажды, сидя рядом, Нина едва не спросила про Дана.

— Бабушка…

— Чего?

Та перебирала колоду, поддевая карты ногтем.

Если рассказать, придётся объяснять, почему Нина пустила его на кухню. Бабушка могла рассердиться, запретить разговаривать с ним. Девочка представила пустой стул возле себя.

— Можно сонник посмотреть?

— Возьми. Только страницы не загибай.

Нина придвинула книгу.

Дан всё не приходил.

Она ждала его на кухне, поглядывала в дверной проём, прислушивалась к шагам. Ей хотелось рассказать, что она учится готовить и уже умеет узнавать в соннике некоторые слова. Иногда Нина нарочно задерживалась за столом после еды, но приходила только бабушка и спрашивала, долго ли ещё будет стоять грязная тарелка.

* * *

В тот день Нина рисовала дом.

Вывела стены, крышу, дверь. Окно получилось маленьким, и она стала обводить его снаружи. Новые линии налезали на старые, занимали всё больше места. Нина отодвинула лист, посмотрела издали и снова взялась за карандаш.

— Большое окно?

Она обернулась.

Дан стоял в дверях. Тёмное лицо, тяжёлые рога, длинные руки — всё, как она помнила. Хвост изгибался за ногой.

— А я тебя ждала! И на кухне смотрела, и здесь.

Девочка повернула рисунок к нему.

— Подойди, у меня окно не получается. Оно должно быть большое, а теперь всё некрасиво.

Дан наклонился над столом.

— Ты увеличивала его, а стены оставила на месте. Попробуй дорисовать дом вокруг, чтобы окну хватило места.

Нина провела новую линию. Потом ещё одну. Крыша стала узкой, пришлось переделывать и её.

Дан присел рядом. Девочка чуть подвинула лист, освобождая место возле его руки.

— Бабушка меня яйца учит готовить. Я сначала скорлупу уронила, но мы достали. А потом вкусно было.

— Значит, уже получается.

— И сонник показывает. Я про дверь рассказала, а она нашла. Там много всего написано, даже про кошек. Только я не понимаю: если кошка приснилась, почему она что-то другое означает?

Дан устроился удобнее, чтобы видеть и Нину, и рисунок.

— А когда тебе двери снились, ты боялась или хотела их открыть?

— Открыть. Там ещё одна была, и мне хотелось дальше.

— Тогда это ты о своём сне знаешь лучше книги. Ты ведь сама помнишь, как тебе было.

Нина обдумала его слова и вернулась к рисунку. Он слушал, пока она рассказывала про белую дверь, про бабушкины карты, про яйцо, которое выскользнуло из пальцев. Иногда девочка касалась края его ладони, продолжая водить карандашом по бумаге.

— Папа сказал, у меня большое окно будет.

Карандаш остановился.

Нина посмотрела на перечёркнутую стену.

— Они дом поехали смотреть. Для нас. Я тут мою комнату рисую.

Дан наклонился ближе.

— Покажи, где она будет.

— Вот. Здесь кровать. Только я её снаружи нарисовала.

Девочка потёрла бумагу пальцем, размазав карандаш.

— Я понимаю, где она стоит, — сказал Дан. — А возле окна что будет?

— Стол. Чтобы рисовать. Там светло.

Нина добавила прямоугольник, приделала к нему ножки. Теперь нужно было нарисовать стул, ручку на двери, маленькое окно с другой стороны. Она объясняла, что где поставит, и передвигала вещи, если места не хватало.

Дан следил за её карандашом. Когда спрашивал о чём-нибудь, Нина отвечала обстоятельно, словно уже жила в этом доме и могла провести его по комнатам.

Наконец она отложила карандаш.

— Теперь красиво?

— Теперь для большого окна хватает стены. И стол поместился, как ты хотела.

Девочка рассмотрела рисунок ещё раз и дорисовала рядом со столом второй стул.

— А здесь ты будешь сидеть. Только хвост сбоку клади, вот сюда.

Дан посмотрел на оставленное для него место.

— Спасибо. Постараюсь ничего не задеть.

В коридоре послышались бабушкины шаги. Нина подняла голову, прислушалась и повернулась обратно. Положила ладонь на Дановы пальцы. Когти выступали далеко за её руку.

— Ты можешь ещё посидеть? Я другой рисунок начну.

— Могу. Покажешь, что хочешь нарисовать?

Она придвинула чистый лист, оставив его руку под своей.

Глава 3

В первый школьный день Дан ждал Нину возле письменного стола.

Она вбежала в комнату, стянула с плеч ранец и поставила перед ним. Застёжка заела. Нина дёрнула её, попробовала ещё раз и заговорила, продолжая возиться с ремешком:

— А у нас столько всего было! Сначала все стояли на улице, и большие тоже. Потом звонили в колокольчик, а мы пошли в класс. У меня парта возле окна.

— Доску оттуда хорошо видно?

— Видно. И в окно тоже. Только я туда почти не смотрела, нам учительница рассказывала.

Застёжка наконец поддалась. На стол легли пенал, тетрадь, ещё одна — Нина раскрывала их, торопясь показать всё сразу.

— Здесь клеточки маленькие. И писать где хочешь нельзя. Вот тут поля, их трогать не надо.

Дан присел рядом, придержал загибающуюся страницу подушечкой пальца.

— Покажи мне, откуда будете начинать.

Нина взяла карандаш, навела его на клетку, усомнилась и перелистнула тетрадь. Где-то в другой учительница уже поставила точку. Пока искала, вспомнила девочку за соседней партой и рассказала, как они всем классом начали отвечать хором.

— А надо руку поднимать. Я подняла, только меня долго не спрашивали. Там много рук было.

Она выпрямилась, одну ладонь положила на стол, другую вытянула вверх. Посидела так, глядя на Дана с серьёзным видом, потом локоть согнулся.

— Вот так и держала. Уже устала, а меня всё не спрашивали.

— А когда спросили, ты ещё помнила, что хотела ответить?

— Помнила! Я же не просто так подняла.

Нина придвинула ему тетрадь с найденной точкой и принялась раскладывать карандаши. Они перекатывались по столу; Дан поймал один у самого края и положил поперёк остальных.

— Завтра опять идти, — сказала она. — Только вставать рано. Бабушка сегодня меня торопила, а бантик сама долго завязывала.

Она потрогала затылок, проверяя, на месте ли он, и тут же вспомнила ещё что-то.

Дан слушал. Карандаши остались на столе, ранец лежал открытый, а Нина всё рассказывала, перебирая события короткого школьного дня.

Вскоре появились настоящие уроки. Буквы норовили повернуться в другую сторону, цифрам не хватало места в клетках. Нина приносила домой задания и новости, которые нужно было сообщить Дану прежде, чем садиться заниматься. Сломанный карандаш, спор на перемене, замечание учительницы — обо всём она говорила обстоятельно, порой доставая тетрадь только затем, чтобы показать, где именно случилась неприятность.

К концу первого класса в тетрадях стало тесно от записей. В последний учебный день Нина разложила их перед Даном и выбрала самую первую.

— Смотри, это я в начале писала. Только ты дальше тоже посмотри.

На первых страницах буквы вылезали за строчку, наклонялись друг к другу, путались в длинных хвостиках. Дан перелистнул несколько листов. Нина следила за его рукой, пока он не дошёл до последних записей.

— Здесь уже легче прочитать, — сказал он. — И слова целиком помещаются.

— Я теперь быстрее пишу. И сама всё разобрать могу.

Она забрала тетрадь и начала читать вслух. На одном слове остановилась, придвинула страницу к лицу, разобралась и дочитала до конца.

— Вот. Я первый класс закончила.

Нина погладила потрёпанную обложку. Осенью она едва могла вывести то, что теперь прочла почти без остановок.

— А помнишь, как ты объясняла мне, где нельзя писать? — спросил Дан.

— На полях! Ты всё помнишь?

— Ты ведь очень старалась меня научить. Даже нужную точку нашла.

Нина засмеялась и стала собирать тетради в стопку. Дан расправил загнувшийся уголок нижней.

— Ты летом тоже будешь приходить?

— Буду. У тебя теперь каникулы, наверняка найдётся что рассказать.

Она уже потянулась за следующей тетрадью, вспомнив кое-что совсем не про уроки.

* * *

Во втором классе Дан всё чаще сидел с Ниной над раскрытым учебником. Иногда она сердилась ещё до того, как дочитывала условие задачи, и отодвигала книгу.

— Тут непонятно написано. Я не знаю, что делать.

— Давай прочитаем вместе. Сначала выясним, что у нас уже есть, потом — что нужно узнать.

Нина читала, торопилась, пропускала слово. Дан возвращал её к нужному месту, задавал вопрос, и она снова склонялась над черновиком. Случалось, ответ получался верным по чистой случайности. Тогда приходилось объяснять решение, и на середине объяснения Нина сама хваталась за ластик.

К третьему классу она уже спорила с Даном, доказывала, что учительница показывала иначе. Иногда закрывала тетрадь ладонью:

— Подожди, я почти догадалась. Только не говори.

Он устраивался удобнее, пока Нина считала, шевеля губами. Если она отвлекалась на школьную историю, выслушивал её и возвращал карандаш к оставленной строчке.

Всё чаще они читали вместе. Нина уже могла сама выбрать книгу, найти знакомое слово, спросить о незнакомом. В одной из бабушкиных книг ей попался рисунок рогатого существа. Под ним стояло слово «демон».

Вечером, когда Дан пришёл к ней, она положила рядом с учебником раскрытую книгу.

— Ты демон, да? Здесь так написано. Только у него рога другие.

Дан рассмотрел рисунок.

— Да, Нина. Это тоже демон, если верить тому, кто его нарисовал.

Она повернула страницу обратно к себе, сравнила картинку с ним и убрала книгу, освобождая место для тетради. Слово запомнилось. Теперь она знала, как называются такие, как Дан.

И уже понимала, что ни у кого из одноклассников подобного друга нет. Других детей за уроки усаживали мамы, папы, старшие сёстры; никому не приходилось просить убрать хвост, прежде чем отодвинуть стул. О Дане Нина в школе молчала. Попробуй расскажи — засмеют, потребуют показать.

Зато дома можно было повернуть к нему книгу, попросить объяснить слово или пожаловаться на задачу. На рога она почти перестала смотреть. Пальцы с когтями переворачивали страницы осторожно; хвост обычно лежал вдоль ножки стула, и Нина проверяла, куда поставить ногу.

В конце третьего класса она снова принесла Дану тетрадь. На этот раз выбрала одну страницу и раскрыла прямо перед ним.

— Вот эту я сама решила. Хочешь, расскажу как?

Она уже придвигала стул, чтобы удобнее было показывать.

* * *

Осенью, в четвёртом классе, бабушка заметила дневник, когда Нина вытаскивала из портфеля тетради. Он упал и раскрылся возле её ног.

— Подними. И дай сюда.

За последнюю неделю появились две тройки по математике. Одну Нина собиралась исправить на следующий день и потому медленно разглаживала страницу, подбирая, что сказать.

— Мне разрешили завтра исправить. Я уже разбирала эту задачу.

Бабушка взяла дневник, надела очки и перелистнула страницу.

— Это что за оценки? Ты в школу зачем ходишь, с девочками болтать?

— Я в конце ошиблась. Сначала правильно делала, а потом…

— Если бы правильно делала, здесь другое стояло бы.

Бабушка ткнула ногтем в красную цифру. На ней был тёмный шёлковистый халат, волосы аккуратно заколоты; от неё пахло кремом и духами. Нина стояла со стопкой тетрадей, упиравшейся в живот.

— Я училась хорошо, — продолжала бабушка. — Меня в пример ставили. Никто надо мной не сидел, сама всё делала. И ты должна учиться, а не обещать каждый раз, что завтра исправишь.

— Я исправлю, бабушка.

— Вот сначала исправь, тогда и поговорим.

Она сняла очки, бросила их на дневник.

— Если бы я твоего отца не родила, я бы известным адвокатом стала. У меня голова была, способности были. Преподаватели говорили: поступай, обязательно поступай. А вместо этого всю жизнь с вами вожусь. Сначала с ним, теперь с тобой. Полжизни мне испортили!

Нина смотрела на очки, лежавшие поперёк страницы. Она хотела исправить тройку, знала, что для этого нужно сделать. Но как исправить то, что бабушка из-за них не стала адвокатом?

В коридоре зазвонил телефон. Бабушка захлопнула дневник, вспомнила про очки, выругалась и вытащила их.

— Убери всё. Завтра проверю.

Она вышла, придерживая ворот халата. Нина услышала, как сняли трубку.

— Да, слушаю… А, это ты.

Девочка забрала дневник и пошла к себе.

Условие задачи занимало всего несколько строк. Нина водила по ним пальцем, возвращалась к началу. Вчера они с Даном разобрались, а сегодня из головы всё вылетело.

На полях черновика был нарисован маленький цветок. Она взяла ластик и принялась стирать его. Бумага стала шершавой, карандаш размазался. Нина нажала сильнее, и посреди лепестка появилась дырка.

— Так ты скоро доберёшься до стола.

Она обернулась.

Возле окна стоял мужчина в тёмной рубашке с расстёгнутым воротом. Высокий, широкоплечий, с убранными назад чёрными волосами и резко очерченными скулами. На красивом лице держалась лёгкая улыбка.

Нина вцепилась в ластик.

— Ты кто?

— Нина, это я. Послушай мой голос.

Голос принадлежал Дану. Нина узнала его и всё же поднялась со стула. Тот зацепился за ковёр; она ухватилась за спинку, отступила к кровати.

Мужчина стоял в её комнате. Светлая кожа, короткие ногти, обыкновенные ботинки — чужой дядя, которого здесь быть не должно.

— Нет, Дан, это не ты. Где мой Дан? Я его хочу видеть, не тебя.

Слёзы мешали рассмотреть лицо. После бабушкиного крика ей хотелось забиться на кровать, закрыться одеялом, а теперь в комнате был ещё и этот человек.

— Я сейчас вернусь в прежний облик, — сказал он тем же знакомым голосом. — Смотри.

Лицо потемнело, словно свет из окна перестал до него доходить. Тень скользнула по шее, залила кисти; пальцы удлинились, на них появились когти. Над головой проступили тяжёлые изгибы рогов.

По полу стукнуло копыто.

Дан чуть пригнул голову возле шторы. Хвост скользнул по ковру и обогнул ножку стула.

Нина вытерла лицо, разглядывая его. Подошла и взялась за палец — твёрдый, с выступающей костяшкой, которую хорошо знала на ощупь.

Дан присел перед ней.

— Я думал, тебе понравится. А получилось, что напугал.

— Я думала, ты ушёл, а он пришёл.

— Это был я. Я умею принимать человеческий облик и хотел тебе показать.

Нина провела большим пальцем по его костяшке.

— Ты больше так не приходи. Сначала скажи, если хочешь поменяться.

— Я предупрежу. А сейчас побуду таким, каким ты меня знаешь.

Она отпустила его руку, когда он занял привычный стул. Хвост лёг на прежнее место; Нина убрала под кровать край одеяла, сползший на пол, и вернулась к столу.

Дан посмотрел на черновик.

— Цветок чем провинился?

— Ничем. Бабушка дневник посмотрела, там две тройки.

Нина прикрыла дырку ладонью.

— Одну задачу мы вчера разбирали, — напомнил он. — Ты к концу уже сама нашла ошибку.

— А она сказала, что могла стать адвокатом. Только папа родился. А теперь ещё я.

Из коридора донёсся бабушкин смех. Нина повернулась к двери, прислушалась и снова открыла дневник. Красные цифры стояли рядом с датами; больше там ничего не было.

— Я ведь думала, что правильно решила, — сказала она.

— Ошибки для того и разбирают, чтобы в следующий раз получилось. Давай посмотрим, что ты помнишь со вчерашнего дня.

— Можно потом? Сейчас я опять всё перепутаю.

Дан заложил учебник карандашом и закрыл. Нина пересела поближе, на соседний стул. Носками едва доставала до ковра.

— А ты давно умеешь быть тем дядей?

— Давно. Ещё до того, как мы с тобой познакомились.

— Значит, когда мы хлеб ели, тоже умел?

— Уже умел.

Она придвинула испорченный черновик, разгладила разорванный край.

— Хорошо, что ты тогда был такой. Я бы с ним не стала есть.

Дан сидел рядом, пока Нина обводила дырку карандашом. Получилось маленькое кривое окно. Вокруг него она начала рисовать дом.

Глава 4

К пятнадцати годам Нина различала бабушкино настроение по тому, как та ставила сумку в прихожей. Если бросала на тумбочку вместе с ключами, лучше было убрать обувь с прохода и заняться уроками. Если сначала снимала пальто, вешала его, а потом звала из кухни — можно было попросить денег на кино или разрешения задержаться после школы.

В тот день бабушка вернулась довольная.

— Иди сюда, я тебе кое-что купила.

Нина поспешила на кухню. Несколько дней назад она объясняла, какие хочет кроссовки, и просила взять её с собой в магазин. Бабушка тогда отмахнулась, но, может быть, всё-таки запомнила.

Из большого пакета показалась серая ткань.

— Вот. Хорошая вещь, добротная.

Бабушка встряхнула юбку и подняла за пояс. Плотная ткань держала жёсткие складки; когда она приложила покупку к Нининой талии, край оказался ниже колен.

— Это мне? Бабушка, я же просила джинсы.

— Джинсы у тебя есть.

— Они короткие. Я тебе показывала.

— Сейчас все с голыми щиколотками ходят, тебя это когда останавливало? Примерь юбку. Я продавщице сказала, что ты высокая, она сразу эту достала.

Нина отступила, и бабушкины руки остались вытянутыми.

— Я такое не ношу.

— Теперь будешь носить.

На стол легла бежевая кофта с круглым воротом и мелкими блестящими пуговицами. Нина взяла её за плечо, развернула и положила обратно.

— Ты бы себе такую купила?

— А что с ней не так? Ты сначала примерь, потом разговаривай.

На бабушке были узкие тёмные брюки и мягкий светлый джемпер. Кольцо с крупным камнем цеплялось за ручку пакета, и она осторожно освободила палец.

— Себе ты почему-то выбираешь нормальные вещи, — сказала Нина. — А меня даже с собой не берёшь. Я бы показала, что мне нравится.

— Чтобы ты опять выбрала эти копыта? Видела я, в чём твои подружки ходят. Девочка должна выглядеть аккуратно.

— Мне в этом в школу идти. Мне, понимаешь? Ты купила, принесла, а потом я должна носить, потому что тебе понравилось. Хотя сама бы ни за что не надела!

— Не повышай на меня голос.

— Ты меня одеваешь, как будто я бедная, хотя у самой денег как у дурака фантиков. Только не знаю, зачем ты их копишь.

Бабушка бросила юбку на стол.

— Ты мои деньги уже посчитала? Сколько у меня, на что трачу? Может, мне теперь у тебя разрешения спрашивать?

— Я прошу обычные джинсы и кроссовки! Не шубу, не кольцо за кучу денег. Просто то, что мне нравится.

— Я всегда копила деньги. Всегда. Пока другие всё спускали, я откладывала. И сейчас для тебя коплю, дура. Золото покупаю, которое ты потом носить будешь.

Нина недоверчиво посмотрела на кольцо.

— Какое ещё золото?

— Серьги, цепочки. Или ты думаешь, я с собой всё заберу?

— Мне пятнадцать лет. Куда я пойду в твоих серьгах? Мне сейчас ходить не в чем, а ты всё про потом.

— Вырастешь — поймёшь. Прекрасная юбка, между прочим, недешёвая. Я ходила, выбирала, о тебе думала. А ты даже спасибо сказать не можешь.

За забором засмеялись. Нина повернулась к окну; из кухни была видна калитка, и ей захотелось сейчас же пройти через неё, догнать тех, кто шёл по улице.

— Можно их вернуть? — спросила она. — Я сама отнесу, только чек дай.

— Ничего ты относить не будешь. Забирай и убери в шкаф. Я тебя достаточно наслушалась.

Нина собрала одежду, прижала к груди.

— Носить всё равно не буду.

— Тогда ходи в старом. И дверью не хлопай!

Дверь своей комнаты она закрыла медленно, до щелчка. Бросила покупки на кровать, достала старые джинсы и натянула перед зеркалом. Стоило согнуть колено, штанина поднималась ещё выше. Нина потянула её вниз, выпрямилась и сердито расстегнула пуговицу.

Переодевшись, она села на кровать. У бежевой кофты торчала нитка; Нина намотала её на палец и дёрнула. Пуговица держалась крепко.

Дан появился за спиной. Она узнала это ощущение раньше, чем возле кровати скрипнула половица.

— Я её ненавижу. Эту старую. Как же она мне надоела.

Он устроился на стуле, и Нина повернулась к нему вместе с кофтой.

— Посмотри, что она купила. Мне пятнадцать лет, Дан. Я в этом буду выглядеть старше неё.

— Ты просила что-нибудь другое?

— Джинсы и кроссовки. Я ей всё объяснила. Но зачем слушать? Она же лучше знает. Сама вечно красивая: волосы, ногти, духи эти её. У неё кремов больше, чем у меня учебников. А мне тащит самое уродское.

— Ей кажется, что она выбрала хорошую одежду.

— Тогда пусть сама носит!

Нина швырнула кофту поверх юбки. Пуговица стукнула о деревянную спинку кровати.

— Почему у всех бабушки как бабушки, а у меня такая? К девочкам приезжают, еду привозят, пирожки пекут. Спрашивают, что они любят. Обнимают их. Моя ко мне только затем и подходит, чтобы воротник поправить: опять неправильно оделась.

Она сердито потёрла нос.

— Даже приготовить ничего не может. Научила меня яйца жарить, и я уже десять лет жру эти яйца с колбасой. Жареные, варёные, омлет — выбирай, Нина, чего тебе сегодня хочется. А если надоело, сама готовь. Всё сама! Только вещи выбирать мне почему-то нельзя.

Дан сидел, положив руки на колени. Нина придвинулась ближе и заговорила тише:

— Я к другим домой прихожу и не понимаю. Они могут сказать бабушке: «Я это не люблю». Просто сказать, и никто не орёт, не считает, сколько на них потратили. Почему моя не может так?

— У неё тяжёлый характер. Она привыкла решать за других и сердится, когда её не слушаются. Ей проще купить тебе вещь по своему вкусу, чем спрашивать, какую выберешь ты.

— Может, она только со мной такая. Потому что я ей не нужна.

— Она была такой задолго до твоего рождения. С твоим отцом тоже ссорилась.

— Говорит, что он ей жизнь испортил. Теперь я порчу.

— Она всегда найдёт, на кого сердиться. Сегодня на тебя, завтра на кого-нибудь ещё. Только ты будешь жить с ней и слышать всё это.

Нина с досадой стёрла слезу со щеки.

— А ты можешь с ней поговорить? Ты ведь обещал тогда, когда я маленькая была.

— Я могу попросить её не кричать на тебя. Но от одного разговора она другой не станет, Нина. Она такой и была. Ни ты, ни я её не переделаем.

— Я просто хочу, чтобы она иногда была нормальной бабушкой.

В коридоре послышались шаги.

— Нина! Вещи убрала? Не вздумай бросить, потом всё мятое будет!

— Сейчас уберу!

— Я зайду посмотрю.

Нина подняла кофту, заправила рукава внутрь. Юбка никак не хотела складываться: плотная ткань топорщилась, сползала с колен.

— Золото она мне покупает, — пробормотала Нина. — Лучше бы хоть раз спросила, что мне нужно.

Она прижала ладонями складки и остановилась.

— Я бы даже пирожки с ней сама пекла. Если бы она захотела.

Дан протянул руку. Нина вложила в неё ладонь, оставив юбку на коленях. Когда обида немного отступила, поднялась и убрала покупки на нижнюю полку шкафа.

— А какие джинсы ты хотела? — спросил он.

— Светлые, голубые. Прямые, чтобы не обтягивали ноги. Без вышивки и цветочков на карманах. На одной девочке видела: немного свободные, а в поясе хорошо сидят. И снизу вот так.

Она показала руками ширину штанины.

— С кроссовками красиво. Белыми, на платформе. Только не на каблуке, понимаешь? Подошва целиком толстая.

Дан посмотрел на свои копыта.

Нина рассмеялась.

— Нет, не как у тебя. Хотя бабушка именно так сказала.

— Значит, ей и моя обувь не нравится.

— У тебя вообще нет обуви.

— Тем более обидно.

Нина села на край кровати и развела большой и указательный пальцы.

— Вот такая подошва. И белые шнурки. Без блёсток, чтобы надеть с чем угодно. Я понимаю, что пачкаться будут. Я бы мыла.

Последнее она добавила поспешно, как будто снова говорила с бабушкой. Дан кивнул, запоминая.

Нина подтянула ноги на кровать.

— Ладно, давай уже про что-нибудь другое. Я больше не могу про эту юбку.

* * *

Утром солнечная полоса легла поперёк подушки. Нина повернулась к стене, но села, вспомнив, что сегодня в школу. На стуле возле письменного стола лежали джинсы.

Она отбросила одеяло. Под стулом стояли белые кроссовки, носками к кровати.

Нина развернула джинсы: светло-голубые, прямые, с простыми карманами. Прижала к себе и тут же принялась надевать. Пояс сел по талии, штанины закрыли щиколотки. Она присела, выпрямилась, потянула колено к груди.

— Дан?

В комнате было тихо. Нина села на кровать, распустила тугие шнурки и надела кроссовки. Подошва оказалась такой, как она показывала на пальцах. Перед зеркалом Нина повернулась боком, затем отступила, чтобы увидеть себя целиком.

Даже со старой пижамной майкой было красиво.

— Подошли?

Она увидела Дана в зеркале и обернулась.

— Ты мне их принёс! Они точно такие, как я хотела. Посмотри, даже укорачивать не надо.

Нина обняла его, прижавшись щекой к тёмному боку. Он положил ладонь ей на спину.

— Ты хорошо объяснила. Пройдись ещё, проверь, удобно ли.

Она прошла до двери и обратно, поднялась на носки.

— Очень. Я думала, ты просто спрашиваешь, а ты… Подожди, я сейчас футболку надену.

Попросив его отвернуться, Нина переоделась и снова заняла место перед зеркалом. Заправила край футболки за пояс, потянулась за расчёской. Рядом лежал прозрачный тюбик.

— Это тоже мне?

— Тебе. Посмотри.

Сквозь густой блеск виднелась тонкая палочка. Нина открутила колпачок, осторожно вытащила аппликатор и поднесла к носу.

— Сладко пахнет. Он без цвета, да?

— Без цвета. Попробуй.

Своего блеска у неё ещё не было. Одноклассницы доставали такие на переменах, красились, передавая друг другу маленькое зеркальце. Нина разглядывала тюбики в их руках, а бабушку даже не просила.

Она коснулась аппликатором нижней губы, добавила ещё немного и наклонилась к зеркалу. Губы поблёскивали. Нина поворачивала голову к окну, то улыбаясь, то делая серьёзное лицо.

— Дан, посмотри. Почти незаметно, только блестит. Бабушка, может, даже не разглядит.

Она прижала губы друг к другу, проверяя, сильно ли липнет, и засмеялась.

— Я давно такой хотела. Даже не думала, что ты знаешь про эти штуки.

— Рад, что угодил.

Нина закрутила колпачок и снова обняла его, отвернув лицо, чтобы не испачкать.

— Спасибо тебе. Я сегодня пойду в этом. Пусть она что хочет говорит.

Дан сжал её плечо. Нина вернулась к зеркалу, собрала волосы и положила блеск возле расчёски. Отошла, подумала и забрала его с собой. В переднем кармане джинсов он поместился как раз.

* * *

Бабушка размешивала сахар в чашке, когда Нина появилась в кухне. Ложечка остановилась.

— Это откуда?

Нина придержала дверной косяк.

— Мне подарили.

— Кто подарил? И джинсы, и обувь?

Бабушка обошла стол, разглядывая кроссовки. Нина переступила с ноги на ногу.

— Я их не украла, если ты об этом.

— Я пока этого не говорила. Ты живёшь в моём доме, и я хочу знать, кто покупает тебе вещи.

— Дан, — выпалила Нина. — Дан подарил. Потому что он хотя бы слушает, когда я что-то говорю. Понимает, что мне нравится.

— Как ты его назвала?

Нина приготовилась спорить, но бабушка смотрела мимо неё, в коридор.

— Дан. А что?

— Данталион, — произнесла бабушка, всё ещё глядя в коридор.

— Это его так зовут?

Бабушка повернулась к ней.

— Как давно ты с ним общаешься? Когда этот демон тебе показался?

— Ты его знаешь? Откуда?

— Я спросила, когда он к тебе пришёл.

— После похорон мамы и папы. Когда ты закрылась в комнате и не выходила. Я думала, ты тоже умерла.

Бабушка вернулась к столу, взяла чашку. Чай плеснул через край на блюдце.

— Он приходил все эти годы? А ты молчала?

— Ты бы мне поверила? Ты мне ни в чём не веришь.

Нина следила, как чай стекает с чашки. Бабушка говорила о нём так, будто они виделись вчера и он опять сделал что-то ей наперекор. Когда-то Дан обещал поговорить с ней, потом Нина слышала её голос за дверью. Слов тогда она не разобрала. Теперь хотелось спросить, что между ними было, почему даже его имя бабушка знала другое.

— Что ещё он тебе давал?

Нина прижала ладонь к карману.

— Покажи, что там.

— Не трогай. Это моё.

— Твоё, — повторила бабушка. — Ты уже решила, что всё это твоё.

— Он мне подарил. Почему ты не можешь просто порадоваться? Ты же вчера сама сказала ходить в старом, если юбка не нравится.

— Пока принимаешь его подарки, запомни: за них ещё придётся расплатиться.

Нина убрала руку от кармана.

— Он никогда ничего у меня не просил.

— Значит, умеет ждать.

— Десять лет? Бабушка, он мне с уроками помогал. Разговаривал со мной, когда ты меня даже видеть не хотела. Ты об этом тоже знаешь?

— Очень трогательно.

— Зато правда. Ты спросила — я отвечаю. А теперь ты ответь: откуда его знаешь?

Бабушка вытащила из пачки сигарету. Зажигалка щёлкнула дважды, прежде чем появился огонь.

— Достаточно знаю, чтобы предупредить. Ты думаешь, я из-за тряпок это говорю? Мне жалко, что он тебя одел?

— Откуда мне знать, из-за чего ты кричишь? Объясни нормально.

— Бесплатного у него ничего нет. Ты поносишь, порадуешься, а расплачиваться будешь долго. Может, всю оставшуюся жизнь.

Нина опустила глаза на белые шнурки. Ещё минуту назад она думала, как придёт в школу и подруги заметят обновки.

— За кроссовки?

— Не только за них.

Бабушка затянулась. Дым поплыл к открытому окну.

— А за что ещё? — спросила Нина. — Что я ему должна?

— Иди переоденься. У тебя есть вещи, которые я купила.

— Ты меня пугаешь, а сказать ничего не хочешь! Кто тебе сказал, что я ему должна? Он?

— Хватит. Разговор закончен.

Бабушка с силой придавила сигарету к пепельнице. Та переломилась, высыпав тлеющий табак.

Нина вышла из кухни. В своей комнате села на кровать и взялась за бант на кроссовке.

— Данталион, — произнесла она, пробуя имя вслух. — Дан?

За стеной звякнула посуда. Нина повернулась к стулу, на котором он обычно сидел, но тот был пуст.

Бабушка всегда находила, чем её напугать. Детдомом, проваленными экзаменами, тем, что из неё ничего не выйдет. Теперь добралась до Дана. Он помогал, выслушивал, терпеливо возвращал её к одной и той же задаче. Рядом с ним можно было говорить, ошибаться, жаловаться. Нина десять лет знала его таким.

Но полного имени он ей не называл. И о том, почему бабушка знает его, тоже никогда не рассказывал.

Из кухни донеслось:

— Ты переоделась?

Нина выпустила шнурок. Сняла с крючка рюкзак, проверила тетради и сунула блеск поглубже в карман.

— Я в школу. Опаздываю.

— Я тебе сказала снять…

Она закрыла входную дверь, прошла по дорожке к калитке. На улице прибавила шагу. Новые кроссовки были лёгкими, и Нина старательно обходила лужи, выбирая сухие участки тротуара.

Глава 5

Подруги заметили обновки ещё до первого урока.

— Наконец-то купила? Повернись, дай посмотреть.

Нина повернулась, придерживая лямку рюкзака. Хотелось спросить, нравится ли им, но одна из девочек уже наклонилась к кроссовкам.

— А эти где брала? Я такие тоже хочу.

— Мне подарили.

— Бабушка расщедрилась?

— Не бабушка.

Прозвенел звонок. Нина вместе со всеми потянулась к кабинету, радуясь, что расспросы закончились. На уроке она вытянула ноги под партой, поправила край штанины. Светлая ткань ложилась на белую подошву именно так, как она представляла. Учительница остановилась возле её стола, и Нина поспешно открыла тетрадь.

После занятий девочки позвали за школу. Домой возвращаться не хотелось, и Нина пошла с ними.

За дальним углом окна выходили на лестницу, а от школьного двора их закрывали кусты. Одна из подруг достала помятую пачку. Нина взяла сигарету, поставила рюкзак у ног. От первой затяжки закашлялась и отвернулась, пережидая першение. Остальные продолжали спорить о контрольной, потом заговорили о том, куда пойти в субботу.

— А у тебя своих нет? — спросили её, убирая пачку.

— Дома есть. У бабушки иногда беру.

— И она не замечает?

— Она столько курит, попробуй там заметить.

Нина рассмеялась вместе со всеми. Но перед тем как уйти, понюхала рукав куртки и потрясла им на ветру.

Бабушка учуяла дым ещё в прихожей.

— Ты курила?

— Девочки рядом курили. Мы разговаривали.

— А ты, значит, просто стояла и дышала?

В её собственной руке тлела сигарета. Нина перевела на неё взгляд, и бабушка сразу предупредила:

— Даже не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— По лицу вижу, что собираешься.

Они снова поссорились. Нина ушла к себе, бросив рюкзак возле кровати. Через час голод заставил вернуться на кухню. Она достала сковороду, проверила, осталось ли масло, и открыла холодильник.

Постепенно у неё появилась жизнь, о которой бабушка знала всё меньше. Нина задерживалась после уроков, уходила гулять по выходным, разговаривала с подругами по телефону за закрытой дверью. У калитки торговалась за лишние полчаса, а возвращалась ещё позже, придумывая по дороге, что скажет дома.

Первый прогул помнился особенно хорошо. Девочки решили не идти на последний урок, и Нина уже потянулась за учебником, но увидела, как они закидывают рюкзаки на плечи, и пошла следом. Они купили еды, устроились на скамейке. Нина всё время поглядывала на прохожих: казалось, сейчас кто-нибудь остановится и спросит, почему они не в школе. Подруги ели, болтали, крошили на асфальт хлеб, и понемногу она тоже расслабилась.

Потом пропустить урок стало проще. Нина узнавала домашнее задание, переписывала конспект. Иногда об этом узнавали дома, и бабушка кричала, что внучка совсем отбилась от рук, что с таким отношением к учёбе её никуда не возьмут.

Дан по-прежнему приходил к её письменному столу. Теперь Нина порой прикрывала тетрадь ладонью:

— Я сама. Подожди, я ещё не закончила.

Он занимал свой стул. Через несколько минут она подвигала к нему раскрытую тетрадь.

— Посмотри только, где ошибка. Мне нужно самой понять, а то завтра опять ничего не решу.

За уроками она успевала рассказать ему, кто с кем поссорился, почему подруга на неё обиделась и где они гуляли вместо занятий. Иногда, забравшись на кровать с подушкой, проговаривалась и о том, что собиралась скрыть. Дан слушал, задавал вопросы. В какой-то момент Нина замечала, что уже спокойно говорит о том, из-за чего весь день была готова разреветься.

В выпускном классе гулять стали реже. На столе лежали сборники заданий, исписанные листы, список тем для повторения. Нина следила за сроками подачи документов, обсуждала с одноклассницами поступление, вечерами отказывалась выходить: на завтра оставалось слишком много недоделанного.

Бабушка заглядывала в комнату.

— Вот так бы сразу.

Нина отмечала нужную строку и продолжала читать. На спор уходил бы весь вечер.

Школу она закончила в семнадцать, без медали, но с нормальными оценками. На выпускной фотографии стояла рядом с подругами, улыбаясь шире, чем собиралась. Потом начались подача документов, ожидание и звонки: кто прошёл, кому ещё ничего не известно.

Свою фамилию в списке зачисленных Нина прочитала дважды. Дома бабушка выслушала новость и сняла очки.

— Теперь учись. Чтобы не зря всё это.

Нина кивнула и отправилась к себе. Дан стоял возле окна.

— Я поступила, — сказала она с порога. — Представляешь, я теперь студентка.

Увидев его улыбку, она улыбнулась сама и наконец сняла сумку с плеча.

* * *

В институт Нина пока ездила из бабушкиного дома. Занятия стали другими, появились новые знакомые, а вечером у двери всё так же спрашивали, почему она задержалась. В восемнадцать она подала заявление на место в общежитии и начала искать работу, которую можно было совмещать с учёбой.

Когда всё получилось, Нина села напротив бабушки за кухонным столом. Та разговаривала по телефону. На краю чашки был маленький скол; Нина провела по нему пальцем, потом убрала руку. В общежитии её ждали в субботу. Откладывать разговор было уже некуда.

— Ты чего сидишь? — спросила бабушка, закончив звонок. — Сказать что-то хочешь?

— Я переезжаю. Мне дали место в общежитии, в субботу заселяюсь.

Бабушка отодвинула телефон.

— Значит, место уже дали. А меня спросить не надо?

— Мне восемнадцать. Я хочу жить отдельно и сама за себя отвечать.

— На какие деньги будешь отвечать?

— Работу нашла. Смены после занятий и по выходным. Я узнала, сколько платить за комнату, посчитала, что останется.

— Посчитала она. Здесь за дом не платишь, за свет не платишь. Холодильник открыла — еда лежит. А там кто тебя кормить будет? Учиться когда собираешься?

— Я буду и учиться, и работать. Понимаю, что времени останется меньше.

— Ничего ты не понимаешь. Это не с подружками по улицам болтаться. Через месяц прибежишь обратно.

Нина подвинула чашку на середину стола, подальше от себя. На каждую фразу хотелось ответить, но тогда они снова заговорили бы о том, сколько на неё потратили и какой благодарности дождались.

— С кем жить будешь?

— С другой студенткой. Комната на двоих, я уже смотрела.

— С чужой девкой. Тебе здесь плохо?

— Я хочу приходить домой без допросов. Носить свои вещи. Сидеть в комнате и знать, что никто не войдёт проверять, чем я занимаюсь.

— Пока живёшь у меня, будешь…

— Поэтому я и ухожу, бабушка.

— Ты мне рот не затыкай.

Нина почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Разжала пальцы под столом.

— Я пытаюсь объяснить. Ты спросила, что мне здесь не нравится. Если бы всё было хорошо, я бы не искала, куда переехать.

Бабушка взяла сигарету, прикурила. Нина слышала часы в коридоре. Раньше, пока бабушка так молчала, ей хотелось срочно что-нибудь поправить: извиниться, пообещать, найти слова, после которых та снова начнёт с ней разговаривать.

— Давно задумала? — спросила бабушка.

— Давно. Сначала хотела получить место и найти работу, чтобы было с чем уходить.

— А молчала почему?

— Потому что ты стала бы отговаривать ещё до того, как я подам заявление.

— Больно надо тебя отговаривать!

Стул ударился о стену. Бабушка поднялась, оставив сигарету в пепельнице.

— Слава богу, восемнадцать исполнилось. Теперь пиздуй на все четыре стороны, чтобы я тебя не видела. Дай мне хоть на старости лет пожить спокойно. Всю жизнь кто-нибудь на шее. Может, теперь хоть сама поживу и умру спокойно.

Нина сидела, глядя на скол в чашке. Она представляла себе эти слова заранее, готовилась услышать, но теперь в горле всё равно стоял ком.

— Я не собираюсь переставать с тобой общаться.

— А я тебя прошу?

Нина отнесла чашку к раковине, сполоснула и поставила сушиться. Уже возле двери услышала:

— Иногда приходить можешь. Дорогу-то домой не забудешь, надеюсь.

— Буду приходить.

— Только предупреждай. У меня тоже могут быть дела.

* * *

Вечером Нина раскрыла на кровати большую сумку. Полотенца легли на дно, рядом — сложенные джинсы и футболки. С книгами было труднее: часть хотелось оставить, но стоило взять одну в руки, и находилось место ещё для неё.

— Куда собираешься?

Дан стоял возле стола.

— Переезжаю в общежитие. В субботу.

Он перевёл взгляд с сумки на опустевшую полку.

— Почему ты мне не сказала раньше? Ты уже всё решила.

— Мне дали комнату. Я нашла работу, договорилась о сменах. Теперь собираюсь.

Дан переложил книгу с края кровати на стол.

— Где это общежитие? Ты была там, смотрела комнату?

Нина назвала адрес.

— Смотрела. Там нормально. И прежде чем ты начнёшь: с деньгами, едой и учёбой я тоже разобралась. Бабушка уже обо всём спросила.

— Я хочу знать, где ты будешь жить и с кем.

— С соседкой, в комнате на двоих. Но ты ведь не поэтому недоволен. Мне нужно было у тебя разрешение спросить?

— Я привык, что ты рассказываешь мне о таких вещах раньше, чем начинаешь собирать сумку. О поступлении ты рассказала сразу. А теперь я вижу пустую полку и узнаю, что ты уезжаешь.

Нина держала в руках футболку. Положила её на кровать и села рядом.

— Я сначала хотела всё устроить. Если бы не получилось, незачем было бы рассказывать.

— Ты могла рассказать и об этом. Что собираешься делать, чего хочешь. Тебя ведь что-то остановило.

— Боялась, что ты скажешь остаться.

— Осталась бы?

— Всё равно ушла бы. Просто мне и так трудно. Ты знаешь, как мы живём, зачем ещё и тебя убеждать, что мне нужно уехать?

Дан сел на свой стул. Нина потянулась за футболкой, снова расправила её на коленях.

— Я же не от тебя ухожу. С тобой я хочу видеться.

— Мне нужно привыкнуть, — сказал он, глядя на сумку. — Я много лет прихожу к тебе сюда.

— Мне тоже нужно. Я там пока даже не знаю, куда вещи положу.

Она сложила футболку, убрала в сумку и сдвинула книги ближе к краю кровати.

— Ты сможешь приходить? Только там соседка. Она может и не обрадоваться.

— Буду приходить, когда ты одна.

— И предупреждай. Хотя бы стучи. Я могу переодеваться, а ты вдруг возле шкафа стоишь.

Дан кивнул.

— Договорились. Сначала постучу.

Нина вернулась к книгам. Рядом с Даном собираться оказалось легче: она перебирала привычные вещи и уже представляла, как поставит их в другой комнате.

В субботу бабушка вышла в прихожую, когда Нина надевала куртку. Возле двери стояли сумка и рюкзак.

— Всё забрала?

— Что нужно. Остальное пока оставлю, если можно.

— Куда я его дену. Документы проверила? Деньги не держи где попало. И вещи свои не разбрасывай, там за тобой никто собирать не будет.

Нина застегнула куртку и взялась за ручку сумки.

— Документы со мной. Ну, я пошла.

На дорожке она услышала:

— Как устроишься, позвони.

— Позвоню.

Бабушка стояла на пороге. Нина придержала калитку ногой, перехватила сумку и вышла на улицу.

* * *

Комната оказалась меньше, чем запомнилась. Две кровати, общий стол у окна, шкаф, который предстояло поделить. На соседней кровати лежал плед, под ней стояли тапочки. Соседка ещё утром предупредила, что вернётся вечером.

Нина застелила постель, расставила книги. Села передохнуть, увидела неразобранный пакет и снова поднялась. Документы сначала положила на полку, потом убрала в ящик стола. Когда сумка опустела, сунула её под кровать.

В коридоре смеялись, хлопали дверями, звали кого-то на кухню. Здесь было шумнее, чем у бабушки. Нина достала телефон, сообщила, что устроилась. Успела ответить на три вопроса, прежде чем бабушка сказала, что занята, и закончила разговор.

В дверь негромко постучали.

— Да?

Нина повернулась и увидела Дана возле свободного края стола.

— Ты всё-таки постучал, — сказала она, смеясь. — Проходи. Вот моя кровать, полки тоже мои. Стол будем делить. Кухня по коридору, я уже посмотрела.

Он осторожно сел. Хвосту почти не осталось места, и Нина убрала с пола пакет.

— Теснее, чем дома, — заметил Дан.

— Зато я здесь сама решила жить.

Она достала тетрадь, в которой записала время завтрашней смены, проверила адрес. Нужно было ещё собрать вещи на утро.

— Дан, посиди, пока я приготовлю всё. А я тебе расскажу, как сюда тащилась. У меня возле входа ручка сумки чуть не оторвалась.

Он устроился удобнее, насколько позволял стул.

— Рассказывай. Я слушаю.

Глава 6

Нина рассказывала, как тащила сумку по лестнице, когда в дверь снова постучали — быстро, несколько раз подряд.

— Нина, можно? — раздался незнакомый женский голос.

— Сейчас!

Она поднялась. Дан повернул голову к двери, а когда Нина оглянулась, его стул уже был пуст.

В коридоре стояли три девушки. Одна держала телефон, другая доедала яблоко. Третья, с длинными тёмными волосами, улыбнулась:

— Привет. Ты новенькая? Мы знакомиться пришли. Можно зайти?

Нина посторонилась. Комната сразу наполнилась голосами и запахом духов. Девушка с яблоком заглянула за кровать.

— Уже всё разобрала? Я неделю из пакетов одевалась.

— Решила сразу. А то потом на работу, на занятия, так и останется.

Темноволосая села на стул, где только что сидел Дан.

— Слушай, завтра вечером концерт. Наши выступают, потом можно остаться поболтать. Мы всех новеньких собираем, чтобы познакомиться. Пойдёшь?

— Я завтра работаю. Во сколько начало?

Девушка назвала время, и Нина прикинула дорогу от работы до общежития.

— Успею. Только переодеться надо будет.

— Мы за тобой зайдём, вместе пойдём.

— Там ещё парни будут, — добавила девушка с яблоком.

— Как будто без парней концерт отменяется.

— Не отменяется, но смысл частично теряется.

Нина рассмеялась вместе с ними.

* * *

В воскресенье после смены хотелось только снять обувь и лечь. По дороге Нина даже приготовила объяснение, почему никуда не пойдёт. Но, войдя в комнату, посмотрела на часы и открыла шкаф.

Она успела умыться, перекусить, переодеться в светлые джинсы и блузку. Поправила концы светлого каре возле щёк, нанесла блеск. Когда в дверь постучали, оставалось только взять сумку.

В зале было жарко. Возле сцены проверяли микрофон, из колонок гудело, кто-то кричал знакомым через несколько рядов. Нина села между девушками. Они здоровались, махали кому-то, называли имена, которые она едва успевала запоминать.

Свет приглушили. После первой песни одна из новых знакомых наклонилась к Нине и прошептала что-то про певца. Нина прыснула, прикрыла рот ладонью, а потом они обе аплодировали громче остальных.

В перерыве все вышли в коридор.

— Руслан! Ты всё-таки пришёл!

Высокий парень обернулся и подошёл к ним. На нём были тёмные джинсы и простая футболка, обтягивавшая плечи. Короткие волосы слегка вились у висков, на предплечье виднелась свежая ссадина.

Одна девушка коснулась его локтя, другая тут же спросила о тренировке. Руслан отвечал, улыбаясь, и Нина поймала себя на том, что тоже ждёт, когда он посмотрит в её сторону.

— Мы думали, ты уже не доберёшься, — сказала темноволосая.

— Я тоже так думал. Но меня убедили, что здесь кормят.

— Обманули.

— Уже понял.

Он повернулся к Нине.

— А мы не знакомы. Руслан.

— Это мы уже услышали, — заметила одна из девушек.

Нина улыбнулась.

— Я Нина. Вчера заселилась.

— Первый курс?

— Нет, учусь с прошлого года. А в общежитии пока пытаюсь разобраться, что делать, когда на кухне все конфорки заняты.

— Главное — не показывать, что ты боишься. Там это чувствуют.

— Я вчера просто ушла.

— Значит, теперь будут занимать при тебе.

Нина рассмеялась. Из зала позвали возвращаться, и Руслан пошёл рядом с ней.

— Ты спортсмен? Девочки про тренировку говорили.

— В футбол играю. Учусь и выступаю за команду.

— Он скромничает, — вмешалась девушка впереди. — Видела бы ты, сколько народу на матчи из-за него ходит.

— Из-за футбола, — поправил Руслан.

— Конечно. Особенно девочки, которые каждый раз спрашивают, в какие ворота надо забивать.

Он покачал головой, а у их ряда остановился.

— Можно рядом?

Подруга уже убирала сумку со свободного места.

Во время выступления Руслан наклонился спросить, хорошо ли Нине видно сцену. Она повернулась и оказалась так близко к его лицу, что поспешно ответила и выпрямилась. Теперь даже аплодировать было немного неловко: его рука находилась совсем рядом.

Певица забыла слова, попросила начать сначала. Руслан улыбнулся, и Нина улыбнулась вместе с ним. Потом ловила знакомую мелодию, слушала, хлопала, но всё равно замечала, как он устраивается удобнее или отодвигает колено, пропуская кого-то между рядами.

После концерта он взял свою сумку.

— Ты в общежитие? Пойдём вместе?

Нина обернулась к девушкам.

— Мы ещё останемся, — тут же сказала одна. — Идите.

На улице было прохладно. Нина застегнула куртку, стараясь придумать, о чём заговорить, но Руслан сам спросил об учёбе. Они пошли медленнее. Она рассказывала о занятиях, он — о тренировках, которые иногда приходилось совмещать с дополнительными парами.

— А ты ещё и работаешь? — спросил он.

— Только начинаю привыкать. Сегодня устала, даже хотела никуда не идти. Зато скоро первая зарплата.

— Уже придумала, на что потратишь?

— Наверное, сначала просто посмотрю на неё.

Руслан засмеялся.

— Я свою сразу на бутсы потратил. Потом смотрел на них.

Нина смеялась ещё у входа в общежитие, пока доставала телефон, чтобы дать ему номер. Дождалась короткого звонка, сохранила контакт.

— Спасибо, что проводил.

— Мне было приятно. Увидимся, Нина?

— Да. Я буду рада.

В комнате она сняла обувь, поставила сумку на стол. Телефон всё ещё оставался в руке, когда пришло сообщение:

«Рад, что сегодня пришёл».

Нина села на кровать. Написала несколько слов, стёрла и ответила:

«Я тоже».

* * *

В замке повернулся ключ.

— Живая? — спросила с порога её соседка Галя. В одной руке у неё был пакет, в другой — кружка. — Я думала, ещё гуляешь. Свет увидела и решила, что забыла выключить. У меня такое бывает. Если когда-нибудь спрошу, где мои очки, сначала посмотри мне на голову.

Она поставила кружку на стол, бросила пакет на кровать.

— Ты чего улыбаешься?

— Концерт понравился.

— А я собиралась зайти, но подруга задержала. У неё личная жизнь закончилась, потом опять началась. Я уже куртку надела, а он позвонил. Выяснилось, что мы зря два часа его обсуждали.

Нина засмеялась. Галя стянула куртку, зацепилась рукавом за часы и продолжила, пытаясь высвободить руку:

— Кто выступал? Ты хоть кого-нибудь запомнила?

Нина назвала певицу, потом запуталась в именах.

— Я там почти никого не знаю. Девчонки здороваются, а я стою.

— Узнаешь. Сначала все незнакомые, потом выясняется, что половина у тебя соль брала и не вернула. Печенье будешь?

Галя раскрыла пакет и протянула ей упаковку.

— Вот это бери. То я попробовала — картон, которому рассказали про шоколад.

Телефон возле Нины завибрировал. Она тут же потянулась к нему.

— Так вот кому улыбаемся, — сказала Галя, усаживаясь напротив. — Парень с концерта?

Руслан спрашивал, во сколько завтра заканчиваются занятия.

— Мы сегодня познакомились. Он меня проводил.

— И уже пишет? Приятно, когда человеку не нужно трое суток, чтобы вспомнить, зачем брал номер. Как зовут?

— Руслан.

— Красивый?

Нина подняла глаза от телефона.

— Очень.

Галя довольно кивнула, будто ответ предназначался ей лично.

— Так бы сразу и сказала. А то концерт ей понравился. Что ещё про него знаешь?

— В футбол играет. Учится. Мы просто шли, разговаривали, я же не всё успела спросить.

— Про выходные выясни. А то соберёшься на свидание, а у него матч, тренировка и больная нога.

— У него нормальные ноги.

Галя остановилась с печеньем возле рта.

— Я не в этом смысле! — Нина почувствовала, что краснеет.

— А я вообще молчу.

— Ты никогда не молчишь.

Соседка рассмеялась.

— Уже заметила? Мама говорит, у меня язык без костей и без выходных. Если мешаю, говори прямо. Намёк я могу принять за новую тему разговора.

Нина откусила печенье, подставив ладонь, чтобы крошки не падали на одеяло. После бабушкиных расспросов было непривычно вот так сидеть, рассказывать о парне и смеяться над собственной неловкой фразой.

— Не мешаешь. Только дай ответить.

— Отвечай, я пока переоденусь.

Нина отправила Руслану время окончания занятий. Галя достала из шкафа футболку и принялась искать что-то на полке. Заглянула под подушку, переложила вещи в пакете.

— Видела мою резинку?

Нина указала на её запястье.

— Вот. С очками будет то же самое. Я предупреждала.

Галя сняла резинку с руки, собрала волосы и снова села на кровать.

— Ну что он?

— Зовёт завтра погулять. У меня как раз смены нет.

— Соглашайся.

Нина начала печатать, остановилась и стёрла несколько слов.

— Ты ему заявление пишешь? — спросила Галя. — Он гулять позвал, можно просто сказать: «Да, давай».

Нина так и написала. Они договорились о времени, и она положила телефон возле подушки. Захотелось тут же открыть шкаф, перебрать все вещи. Джинсы можно надеть те же, а блузку лучше другую. Или эту?

— Галь, а я сегодня нормально выглядела? После работы собиралась, даже толком не успела…

— Он тебя проводил и уже позвал ещё раз. С блузкой всё в порядке.

Нина рассмеялась и убрала руку от ворота.

Перед сном они сверили будильники: вставать нужно было почти одновременно.

— Если мой долго звонит, толкни меня, — попросила Галя. — Только сильно не надо. Я просыпаюсь обидчивая.

Нина выключила свет. За стеной разговаривали, хлопнула дверь, по трубам прошла вода. Соседняя кровать скрипнула.

— Нин, а он выше тебя?

— Выше.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Галя.

Нина легла на бок, вспоминая, как Руслан наклонился к ней в зале. Тогда она поспешила отвернуться. Завтра можно будет посмотреть на него подольше.

Глава 7

Руслан написал, что ждёт у входа, когда преподаватель ещё объяснял задание. Нина перечитала сообщение, убрала телефон и взялась за ручку. На доске появились новые строки. Она послушно перенесла их в тетрадь, хотя уже думала о том, как спустится по лестнице и увидит его.

После занятия задержалась у окна в коридоре. В отражении одна прядь выворачивалась наружу; Нина пригладила её и поспешила вниз.

Руслан стоял возле ступеней с двумя парнями. Заметив Нину, улыбнулся, попрощался с приятелями и пошёл ей навстречу.

— Привет. Давно ждёшь? Нас задержали.

— Минут десять. Я уже начал думать, что ты вышла через другую дверь.

— А здесь есть другая?

— Надеюсь, нет. Я только эту караулил.

Нина засмеялась. Пока шли от института, рассказала о преподавателе, который обещал отпустить их пораньше, а потом увлёкся настолько, что пришлось напомнить ему о времени. Руслан слушал, и ей нравилось, как он поворачивается к ней, чтобы расслышать за шумом машин.

— Ты сегодня уже ела? — спросил он.

— Утром. До следующей пары надеялась успеть, но там очередь была.

— Тогда сначала поедим. Вон в том кафе был пару раз, там неплохо.

— Это у тебя после тренировок привычка — всех кормить?

— После тренировок я обычно хочу, чтобы кормили меня. Сегодня могу проявить великодушие.

Они перешли дорогу. В кафе выбрали столик возле окна, поставили сумки на свободные стулья. Нина пробежала глазами цены и нашла подходящее блюдо, а Руслан всё ещё изучал первую страницу меню.

— Ты слишком серьёзно подошёл, — заметила она.

— Это еда. Тут нельзя ошибаться.

Нина снова открыла меню, чтобы посмотреть, что так его заинтересовало. Заказ они сделали вместе; пока ждали, Руслан расспрашивал о её занятиях, а потом она попросила рассказать о футболе.

— Давно играешь?

— С детства. Сначала во дворе, потом отвели в секцию.

— Ты сам попросил?

— Я дома мячом кое-что разбил. Родители решили, что лучше пусть мной занимаются специально обученные люди.

— А что разбил? Мне же надо знать, можно ли тебя к посуде подпускать.

— Вазу. Но она стояла очень неудачно.

— На воротах?

Руслан расхохотался. Нина довольно улыбнулась: утром она придумывала, о чём его спросить, а теперь хотелось дразнить его дальше.

— А тебе самой что нравится? — спросил он. — Кроме учёбы и работы. На них, по-моему, и так хватает времени.

— Рисовать иногда. Правда, стоит кому-нибудь показать, сразу начинаю замечать всё кривое.

— Меня нарисуешь?

Она всмотрелась в его лицо, задержалась на бровях, на изгибе губ. Руслан приподнял подбородок, будто уже позировал, и Нина почувствовала, как теплеют щёки.

— Думаю, с чего начать.

— С самого красивого.

— Тогда придётся ещё подумать.

— А вчера такая тихая была.

— Вчера ты ещё не просил себя нарисовать.

За едой Руслан рассказывал о команде. После некоторых тренировок у него едва хватало сил добраться домой, зато пропустить матч было хуже: сидишь, видишь, куда надо бежать, кому отдать мяч, и можешь только орать с остальными. Он отодвинул чашку, показывая, как однажды мяч прошёл мимо ворот. Нина следила за его руками и пыталась представить его на поле.

— Придёшь посмотреть? — предложил он.

— Я в правилах плохо разбираюсь. Буду спрашивать, что происходит.

— До матча объясню. Во время буду немного занят, так что просто болей за нас.

— Ладно, приду. Только заранее скажи, чтобы со сменой не совпало.

Когда принесли счёт, Нина потянулась к сумке.

— Я приглашал, — сказал Руслан.

— Я могу за себя заплатить.

— А я хочу тебя угостить. В следующий раз выберешь кафе сама.

— Тогда спасибо. Мне здесь понравилось.

За окном ещё было светло. После кафе они свернули в сквер и пошли по гравийной дорожке мимо скамеек. Нина несла расстёгнутую куртку через руку; Руслан убрал сумку на другое плечо, чтобы та не задевала её.

— В общежитии уже освоилась?

— Пока привыкаю к соседке. Она хорошая, только всё время разговаривает. Вчера резинку по всей комнате искала, а та у неё на руке была.

Нина рассказала и про будильник, и про Галину просьбу не толкать её слишком сильно: просыпается обидчивая.

— И как, удалось разбудить? — спросил Руслан.

— Она меня разбудила. Будильник ещё не звонил, а Галя уже вспомнила что-то важное.

— Что именно?

— Не помню. Я спала.

Навстречу выкатился ребёнок на велосипеде. Руслан придержал Нину за локоть, помогая отступить с дорожки, и она оказалась совсем близко к нему. На щеке у него был маленький шрам, который раньше она не замечала.

— Это тоже футбол? — спросила Нина, указав на свою щёку.

— Велосипед. Я в детстве был разносторонним человеком.

— А сейчас осторожнее?

— Стараюсь производить такое впечатление.

Они вернулись к общежитию, когда Нина уже успела пожалеть, что не выбрали дорогу подлиннее. Завтра нужно было рано вставать, да и задание, записанное в конце пары, придётся прочитать заново.

У ступеней Руслан спросил:

— Напишешь, когда освободишься?

— Напишу. Если Галя даст доучить.

Из дверей вышли две девушки. Нина отступила, пропуская их, и ветер бросил ей волосы на лицо. Руслан убрал прядь, прилипшую к губам. Она подняла голову; его пальцы ещё касались её щеки, когда он наклонился и поцеловал её.

Нина закрыла глаза. Ладонь легла ему на плечо, скользнула по ткани куртки, а он обнял её за талию. Поцелуй оказался коротким; когда Руслан отстранился, ей захотелось снова придвинуться к нему.

— До завтра? — спросил он.

— До завтра.

Взявшись за ручку двери, она обернулась и помахала ему. По лестнице поднималась быстро, чувствуя, как горят щёки.

* * *

Галя сидела над тетрадью. Увидев Нину, отложила ручку.

— Всё. По твоему лицу вижу, что учиться мне сегодня не дадут. Подожди, я чаю сделаю, потом расскажешь.

— Что ты там уже увидела?

— Ты стоишь у двери и улыбаешься моей куртке. Думаю, вечер удался.

Нина рассмеялась, сняла обувь и достала из шкафа футболку. Галя взяла две кружки, прихватила чай и вышла на общую кухню. Её голос ещё доносился из коридора, когда Нина переоделась и села на кровать.

В дверь постучали.

— Забыла что-то? — спросила она.

— Пока нет.

Дан стоял возле стола, склонив голову под полкой. В этой комнате его рога почти касались стены; хвост загнулся возле ножки стула.

— А, это ты. Галя за чаем пошла, скоро вернётся. Садись, я сумку уберу.

Нина освободила стул и сунула ноги в тапочки. Дан устроился напротив.

— Подружились?

— Мне с ней хорошо. Она всё время что-нибудь рассказывает, даже из коридора можно дослушивать. Ты как?

— Хотел спросить тебя о том же. Ты сегодня довольная.

— Гуляла с парнем. Мы вчера на концерте познакомились. Руслан его зовут.

Произнося имя, Нина снова вспомнила поцелуй у двери и улыбнулась.

— Сначала в кафе пошли, потом по скверу. Он смешной, с ним легко. Даже про футбол интересно слушать, хотя я в нём ничего не понимаю.

Дан откинулся на спинку стула. Под его тяжестью она скрипнула, и Нина предупредила:

— Осторожно, он и подо мной шатается.

Дан выпрямился, устроив длинные руки на коленях.

— Нина, я хотел попросить тебя об одном. Мне хотелось бы чаще с тобой разговаривать. Здесь приходится ждать, когда ты останешься одна, а у тебя учёба, смены. Вечером тебе и отдохнуть нужно.

— Здесь неудобно, да. Но Галя часто уходит, и у меня бывают свободные вечера.

— Я хотел бы встречаться с тобой и на улице. Мы могли бы гулять, разговаривать по дороге с твоей работы. Для этого я буду приходить в человеческом облике.

Нина представила его среди прохожих и вспомнила мужчину, от которого в детстве отступала к кровати. Тогда даже знакомый голос не помог: ей нужен был её Дан, с рогами и когтями.

— Ты после того раза больше так не появлялся. Из-за меня?

— Ты попросила вернуть привычный облик. Я запомнил.

— Мне уже восемнадцать. Теперь я понимаю, что это всё равно ты. Только скажи: остальные тебя тоже увидят? Смогут с тобой разговаривать?

— Смогут. Для них я буду обычным человеком.

— Тогда Галя обязательно захочет познакомиться. Если увидит нас вместе, мимо точно не пройдёт. Скажу, что ты давний друг семьи. Это почти правда: бабушку знаешь, меня знаешь.

— Меня это устраивает.

— Только про бабушку лучше много не рассказывай, иначе Галя потом неделю будет расспрашивать.

Нина подвинулась к краю кровати.

— Покажешь?

Дан встал. В свете лампы тёмная кожа посветлела, изменились очертания скул и рта. Рога ещё отбрасывали тень на стену, а затем тень исчезла. Вместо копыт на полу стояли ботинки. Перед Ниной оказался высокий мужчина лет тридцати с небольшим, в чёрных брюках и тёмной рубашке. Волосы были зачёсаны назад, ворот открыт.

Она узнала тот облик, но теперь рассматривала его с любопытством. Дан был красив — настолько, что Нина удивилась, как могла запомнить только испуг.

— Голос совсем не меняется, — сказала она. — И смотришь так же.

— Как?

— Как будто ждёшь, когда я сама найду ошибку в задаче.

Он рассмеялся, и Нина встала рядом. Взяла его за руку, повернула ладонью кверху: длинные человеческие пальцы, гладкие ногти. Эту руку она знала с детства, а теперь приходилось знакомиться заново.

— Странно, что когтей нет. И хвоста. Можно спокойно ходить у тебя за спиной.

— Будет не хватать?

— Посмотрим. Иногда ты очень неудобно раскладывался.

Нина отпустила его руку и вернулась к кровати.

— Давай встречаться на улице. Только заранее договоримся, потому что у меня смены и занятия. Я не всегда могу просто взять и уйти.

— Договоримся. Мне важно, чтобы у тебя оставалось время и для меня.

В его голосе прозвучала такая настойчивость, что Нина подняла голову.

— Ты думаешь, я теперь перестану с тобой общаться? Я хочу тебя видеть, Дан. Просто у меня сейчас много всего. Ещё сама не привыкла.

Из коридора донёсся Галин голос:

— Да я тебе говорю, это не моя ложка! На моей цветочек!

Нина прыснула.

— Чай идёт. Медленно, с остановками.

— Тогда я пойду, — сказал Дан.

— Приходи в следующий раз таким. Надо же мне привыкать.

Он улыбнулся и исчез. Нина раскрыла тетрадь на задании, которое переписывала в конце пары.

Галя вошла с двумя полными кружками.

— Я там уже чужую историю выслушала. Теперь хочу твою.

Нина приняла чай и подвинулась, освобождая ей место.

— С чего начинать?

— С того места, где он тебя поцеловал.

Нина вскинула голову, а Галя довольно улыбнулась:

— Ага. Значит, угадала.

Глава 8

Через несколько недель Нина уже знала, в какие дни Руслан задерживается на тренировке и когда можно позвонить ему между занятиями. Он встречал её после смены, и она, выходя с работы, искала глазами его куртку среди прохожих. Усталость оставалась, ноги гудели, зато по дороге можно было рассказать, что случилось за день, прижаться к нему на остановке. У общежития они часто прощались по несколько раз: Нина уже бралась за дверь, а потом вспоминала ещё что-нибудь и возвращалась к нему.

Она сходила на матч. Потом рассказывала Гале, путалась в правилах, но прекрасно помнила, как Руслан бежал к воротам и как после игры подошёл к ней, ещё запыхавшийся, с мокрыми волосами. Нина обняла его при остальных, довольная, что он первым делом нашёл её среди зрителей.

Они выбирали фильмы, ждали общего свободного вечера, собирались съездить куда-нибудь на один день. Договариваясь с подругами, Нина теперь сверяла планы с расписанием Руслана. Галя научилась узнавать его звонки по её лицу и, когда Нина тянулась за телефоном, говорила:

— Всё, тебя на ближайшие полчаса нет. Передай привет.

К бабушке она собралась за тёплыми вещами и книгами. По телефону Нина Тихоновна велела приехать до обеда: потом у неё дела.

Нина купила печенье и подошла к знакомому забору. Во дворе залаяли. Она взялась за щеколду, и с той стороны кто-то навалился на калитку.

— Бабушка, открой! У тебя там собака?

— Заходи, чего стоишь!

В щель сунулась рыжая морда, за ней — чёрная, с белым пятном над носом. Нина придержала калитку коленом, протиснулась внутрь. Рыжий пёс сразу принялся обнюхивать пакет, а чёрная собака продолжала лаять, отскакивая, когда Нина поворачивалась к ней.

— Они же на улицу выскочат!

— Не выскочат, закрывай быстрее. Да перестань ты орать! — Бабушка прикрикнула на чёрную собаку. — Свои пришли.

На крыльце она стояла в домашней одежде; к рукаву прилипли светлые шерстинки. Нина поднялась за ней в дом и едва не наступила на третью собаку, маленькую, с седой мордой. Та спала на сложенном одеяле возле мисок.

В гостиной крупный полосатый кот занимал кресло. Ещё две кошки лежали на подоконнике, а мимо Нины прошла четвёртая, задрав хвост.

— Бабушка, ты с ума сошла? Откуда их столько?

— Ты со мной нормально разговаривать можешь? Подобрала. Некоторых отдали.

— Я месяц назад уехала, здесь никого не было. Ты их сколько взяла?

— Мне теперь у тебя разрешения спрашивать? Что принесла?

— Печенье.

— На кухню неси.

Нина повесила куртку на свой крючок и перешагнула через одеяло. Возле холодильника стоял большой мешок корма. На стуле, где она обычно сидела, свернулась белая кошка с тёмными ушами.

— А мне сесть куда?

— На другой садись. Видишь, спит.

Нина положила пакет на стол, придвинула свободный стул.

— Ты со всеми справляешься? Их же кормить, выгуливать надо, убирать за ними.

— Корм есть, вода есть, двор тоже. Выпускаю, гуляют. И убираю, можешь не проверять.

Бабушка достала чашки и поставила чайник. На обивке стула белели волоски. Раньше она заставляла Нину снимать с одежды каждую приставшую нитку, а теперь сама ходила в кофте, покрытой шерстью.

— Они тебе мебель подерут.

— Это моя мебель, я сама с ней разберусь. Ты вещи приехала забрать или указывать мне?

Белая кошка проснулась и спрыгнула на пол. Подошла к Нине Тихоновне, потёрлась о ногу. Бабушка нагнулась, почесала её за ухом.

— Что, моя хорошая? Поела уже? Подожди немножко, сейчас чай налью и займусь тобой.

Голос стал мягким, почти певучим. Кошка выгнулась под ладонью, а бабушка провела рукой по её спине ещё раз, от головы до хвоста.

Нина сидела с раскрытым пакетом, держа печенье за край обёртки. Бабушка выпрямилась и заметила её взгляд.

— Что уставилась?

— Я не знала, что ты так любишь животных.

— Они меня лучше людей понимают. Скажешь — слушают, рядом сядут. Не спорят по каждому поводу.

В прихожей снова раздался лай.

— Да замолчи ты! — крикнула Нина Тихоновна.

Нина не удержалась от улыбки.

— Очень хорошо слушаются.

— На улице кто-то идёт. Она дом охраняет, между прочим.

Кошка подошла к Нининому стулу и ткнулась лбом в протянутую ладонь. Нина почесала её между ушами.

— Я же не против них. Только тебе одной тяжело будет, если ещё наберёшь.

— Ты за меня не решай. Я тебе не указываю, как в общежитии жить.

Чайник выключился. Бабушка разлила воду, подвинула сахарницу, взяла печенье. Кошка тем временем забралась к Нине на колени, зацепившись когтями за джинсы.

— Осторожно, — попросила Нина, поддерживая её под живот.

— Не сгоняй. Сама уйдёт, когда захочет.

— Я её придерживаю, она соскальзывает.

Кошка наконец устроилась и заурчала. Нина положила ладонь ей на спину, чувствуя под пальцами тепло.

— Учёба как? — спросила бабушка. — Работаешь ещё? Не выгнали пока?

— Представь себе, нет. И с учёбы тоже. Всё успеваю.

— Ну, смотри. Какие книги тебе понадобились?

Нина перечислила. Бабушка доела печенье и стряхнула крошки на блюдце. За её спиной рыжий пёс растянулся в проходе, положив морду на лапы.

После чая Нина пошла собирать вещи. В её комнате стояла прежняя лампа, на полке ждали книги, в ящике оставались школьные тетради. На покрывале обнаружились вмятина и клочок серой шерсти. Нина стряхнула его, разложила свитеры, завернула в один из них книги и застегнула сумку.

У входной двери бабушка держала рыжего пса за ошейник.

— Калитку плотно закрой. Этот выскочить может.

— Ты же говорила, не убегают.

— Мало ли что я говорила. Сумку подними, сейчас опять полезет.

Нина спустилась с крыльца.

— Я позвоню на днях.

— Звони.

Бабушка отпустила ошейник, и пёс прижался к её ноге. Она положила ладонь ему на голову.

— Ну что ты толкаешься, хороший мой? Сейчас пойдём.

Нина закрыла калитку, проверила щеколду. Из дома ещё доносился бабушкин голос, обращённый к собаке.

За воротами она достала телефон. Руслан спрашивал, закончила ли она с делами и нужно ли её встретить.

«Встреть. Я вещи забрала», — написала Нина и направилась к остановке.

* * *

Когда она вышла из автобуса, Руслан уже ждал. Забрал тяжёлую сумку и приподнял, проверяя вес.

— Ты решила окончательно переехать?

— Там книги. И свитеры.

— Теперь понятно, почему попросила встретить.

Нина поцеловала его.

— Не только поэтому.

Он обнял её свободной рукой и отвёл в сторону, пропуская вышедших следом людей.

— Как бабушка?

— Завела кошек и собак. Ты бы слышал, как она с ними разговаривает: «Моя хорошая», «подожди, сейчас к тебе приду»… Так ласково. Я сидела и слушала.

Нина потянула его за рукав, чтобы он шёл помедленнее.

— Может, ей с ними и правда лучше.

— А тебе как сейчас? — спросил Руслан.

Она подняла голову. Он нёс её сумку, ждал ответа, и Нине захотелось обнять его прямо здесь, посреди тротуара.

— Мне хорошо. Особенно когда ты встречаешь.

Возле общежития Руслан поставил сумку у стены и притянул её к себе. Нина спрятала лицо у него на груди. Наверху ждали книги, которые нужно было расставить, свитеры, для которых придётся потеснить вещи в шкафу. Она подумает об этом позже, а пока можно было постоять с ним ещё немного.

Глава 9

С Даном она встретилась через несколько дней, после занятий.

Он ждал возле сквера, в стороне от потока студентов. Нина заметила его издалека. Здесь, среди прохожих, его человеческий облик всё ещё казался непривычным. На вид ему было около тридцати пяти: высокий, широкоплечий, с убранными назад чёрными волосами и чёткими скулами. Он стоял, держа руку в кармане тёмного пальто, и улыбнулся, увидев её.

Нина подошла обнять его.

— Пойдём? У меня около часа, потом встречаюсь с Русланом. Он подойдёт сюда, я вас познакомлю.

— Ты ему рассказывала обо мне?

— Конечно. Что мы давно знакомы, что ты помогал мне с уроками. Он знает, что сегодня я с тобой гуляю.

Они свернули на дорожку. Нина жаловалась на работу, вспоминала очередную Галину историю, рассказывала об учёбе. Дан помнил её преподавателей и предметы, которые давались с трудом. Можно было начать с середины, вернуться к давно забытой истории, и он подхватывал разговор.

Иногда Нина поглядывала на него и улыбалась. Прохожие видели мужчину, с которым она гуляла после занятий. А она вспоминала, как он сидел возле её стола и сколько раз она наступала ему на хвост, отодвигая стул.

— Что тебя так веселит? — спросил Дан.

— Расскажу как-нибудь. А вот и Руслан.

Тот появился со стороны улицы, поднял руку и ускорил шаг. Нина пошла ему навстречу. Руслан поцеловал её, положив ладонь на спину, и она повернулась вместе с ним к Дану.

— Знакомься, это Дан.

— Очень приятно. Руслан.

Они пожали руки. Руслану пришлось немного поднять голову, хотя сам он был высоким.

— Вы давно знакомы?

— С моих пяти лет, — ответила Нина. — Дан ещё бабушку знает.

Руслан снял сумку с её плеча и перекинул на своё. Дан проследил за его рукой.

— Ты после тренировки? Нина говорила, что ты играешь за команду.

— Сегодня отдыхаю, завтра с утра опять на поле.

Руслан рассказал, где они тренируются и когда будет следующий матч. Дан расспросил о команде. Нина слушала, довольная тем, что разговор складывается: ей хотелось, чтобы они понравились друг другу.

— Приходите посмотреть, — предложил Руслан. — Нина уже была.

— Только объяснять будешь сам, — предупредила она. — Я в ваших правилах до сих пор путаюсь.

— Зато болеешь громче всех. Мне понравилось.

Нина толкнула его локтем. Руслан поймал её ладонь, переплёл пальцы с её пальцами. Дан перевёл взгляд с их рук на его лицо.

— Постараюсь прийти.

Руслан проверил время.

— Нам пора, если хотим успеть к началу.

— Мы в кино собирались, — объяснила Нина Дану. — Я тебе потом позвоню.

Она обняла его на прощание. Дан задержал ладонь на её плече, затем пожал Руслану руку.

Отходя к улице, Нина обернулась и помахала ему. Дан стоял возле скамейки; между ними уже проходили другие люди.

— Приятный мужчина, — заметил Руслан. — Он здесь живёт?

— Бывает здесь.

Нина крепче взяла его под руку. Руслан спросил, какой ряд она выбрала, и они заговорили о кино.

* * *

К концу осени им стало не хватать времени вдвоём. Встречи приходилось помещать между занятиями, Нининими сменами и тренировками Руслана. Иногда они успевали только поужинать, иногда долго гуляли по холоду, оттягивая прощание.

Руслан заходил в общежитие и вскоре научился отличать Галино «я ненадолго» от настоящего намерения уйти. Галя могла предложить ему чай, поспорить о фильме, попросить переставить тяжёлую тумбочку. Комната оставалась общей, и Нина заранее прикидывала, когда соседка вернётся с занятий и успеют ли они с Русланом побыть одни.

Однажды Галя уехала на выходные.

Руслан пришёл к вечеру с пакетом еды. Пока Нина накрывала на маленьком столе, он рассказывал о тренировке и пытался помочь, но постоянно оказывался у неё на пути.

— Сядь уже, — рассмеялась она, протискиваясь между ним и шкафом. — У тебя слишком большие размеры для этой комнаты.

— Я полезным быть пытаюсь, а ты ругаешься.

Он сел и потянул её к себе. Нина устроилась у него на коленях, придерживая чашку. Руслан забрал её, поставил на стол и поцеловал Нину. Она обняла его за шею. Уже знала, как провести ладонью по его щеке, чтобы он улыбнулся, и всё равно волновалась, когда он прижимал её ближе.

Позже они сидели на кровати, прислонившись к стене. Нина положила голову ему на плечо, Руслан обнимал её, поглаживая руку.

— Не хочу уходить, — сказал он. — Всё время считаем, сколько ещё можем побыть вместе. Давай снимем квартиру?

Нина приподнялась.

— Ты серьёзно? Я больше смен брать не смогу, у меня учёба.

— Я уже смотрел объявления. Родители помогут для начала с залогом и арендой. Они давно предлагали мне жить отдельно.

— Они знают, что ты со мной собираешься?

— Знают. Хотят познакомиться.

Нина выпрямилась, и Руслан улыбнулся.

— Не сегодня, не волнуйся. Я предлагаю сначала выбрать квартиру, посмотреть, сколько нам вообще нужно на месяц. Тебе не придётся бросать учёбу или работать ночами.

Она представила свои ключи, кухню, где можно спокойно готовить, Руслана, который приходит с тренировки и остаётся до утра. Ей хотелось согласиться немедленно, но она всё ещё помнила, как считала деньги перед переездом в общежитие.

— А потом? Твои родители не будут всё время нам платить. Я тоже хочу вкладываться.

— Тогда давай посчитаем, что можем сами. На еду, на всё остальное. Не обязательно сразу брать на себя всю аренду.

Нина провела пальцем по шву на его рукаве.

— А если начнём ссориться?

— Наверное, будем. Я же не стану обещать, что никогда тебя не разозлю.

— Очень убедительно ты меня уговариваешь.

— А ты сама хочешь со мной жить?

Она оглядела комнату: Галину кровать, стол с учебниками, две чашки, которым едва нашлось место.

— Хочу. Только чтобы до института не через весь город и кухня нормальная. Я устала есть здесь, среди тетрадей.

— Ты уже выбираешь.

— А ты уже объявления смотрел.

Руслан обнял её и поцеловал. Потом они освободили стол, достали тетрадь. Нина записала, сколько получает за смены, Руслан назвал сумму, которой мог располагать сам. Прикинули расходы на продукты, дорогу, коммунальные платежи. Оставалось понять, сколько из своих денег они смогут отдавать за жильё.

Руслан открыл на телефоне объявления, которые сохранил. Нина устроилась рядом, поджав ноги, и попросила показать поближе светлую студию с большим окном.

— Эта мне нравится. Только дороже, чем я думала.

— С этой арендой родители помогут. Давай хотя бы посмотрим, прежде чем отказываться.

Нина увеличила снимок кухни.

— Тут духовка есть.

— Это решающий аргумент?

— Один из. Звони.

Квартиру они посмотрели через два дня.

На фотографиях студия казалась больше, но Нине понравилась сразу. Здесь было светло даже в пасмурную погоду. Возле окна стоял круглый стол, за которым можно было и есть, и заниматься. Кровать помещалась в глубине комнаты, за невысоким стеллажом. На кухне двое могли пройти мимо друг друга.

Пока хозяйка рассказывала Руслану об оплате и показаниях счётчиков, Нина открыла шкаф. Провела рукой по пустой полке, прикинула, поместятся ли здесь книги, которые она забрала у бабушки.

— Места хватит? — спросил Руслан, оказавшись рядом.

— Мне хватит. Тебе тоже что-нибудь оставлю.

Хозяйка улыбнулась и отошла к окну. Нина проверила кран, заглянула в духовку. На подоконник просились цветы, стол можно было придвинуть к розетке и поставить ноутбук. Отсюда было удобно добираться и до института, и до работы.

— Мне нравится, — сказала она Руслану. — Давай эту возьмём, если ты согласен.

Он обнял её за плечи и позвал хозяйку. Та достала документы. Нина села за круглый стол; пока обсуждали условия, рассматривала кухонные шкафчики и решала, куда уберёт посуду.

Переезд занял почти весь выходной. Из общежития Нина увезла больше вещей, чем привезла несколько месяцев назад. Галя стояла среди пакетов и, когда очередная сумка отправлялась к двери, обнаруживала ещё одну тетрадь, чашку или Нинину кофту.

— Ты уверена, что здесь жила, а не склад содержала?

Руслан подхватил сумку.

— Это последняя?

— Не задавай таких вопросов, — посоветовала Галя. — Они провоцируют появление новых вещей.

Нина рассмеялась, обняла её и пообещала приходить.

— Конечно, будешь. Ты ещё половину рассказов не дослушала.

В квартире они до вечера разбирали коробки, перекладывали одежду с полки на полку, спорили, куда поставить чайник. Когда понадобилось выбросить упаковку, обнаружили, что забыли купить мусорные пакеты.

Ужинали за столом у окна. Руслан сидел босиком, Нина — в старой футболке, с кое-как собранными волосами. Между ними стояла еда в контейнерах, а на соседнем стуле лежало чистое постельное бельё.

— Завтра всё доделаем, — сказала она.
Руслан протянул через стол руку. Нина вложила в неё свою.
В этот вечер никому не нужно было провожать другого.

Глава 10

На новоселье они позвали Галю, Дана и нескольких друзей.

К приходу гостей студия уже выглядела обжитой. На полке стояли Нинины книги, возле кровати лежала спортивная сумка Руслана. Дополнительные стулья пришлось одолжить, а часть еды расставить на кухонной столешнице.

Галя пришла первой. Огляделась с порога и подняла пакет.

— Я принесла полотенца. Не знала, что у вас уже есть, но полотенца, по-моему, исчезают сами по себе.

Нина забрала подарок и обняла её. Галя заглянула за стеллаж, заметила кровать и посмотрела на Руслана.

— Теперь понятно, на что ты меня променяла.

— Галя!

— Что? Матрас хороший. Спина важна в любом возрасте.

Руслан рассмеялся и помог ей снять куртку.

Вскоре квартира наполнилась голосами. Кто-то принёс напитки, кто-то — пирог, который пришлось освобождать из пакета вдвоём. Друзья Руслана заметили мяч возле стеллажа и спросили, разрешают ли ему теперь тренироваться дома.

— После истории с вазой — нет, — ответила Нина.

— Зря я тебе рассказал. Теперь всю жизнь будешь вспоминать.

Руслан обнял её сзади и поцеловал в висок. Нина продолжала раскладывать салфетки, придерживая его руку у себя на талии.

В дверь позвонили.

На площадке стоял Дан в тёмном пальто. Нина обрадовалась, обняла его и провела внутрь. Руслан вышел поздороваться, а следом из комнаты выглянула Галя.

— А это и есть Дан?

— Мой давний друг. Дан, это Галя.

— Бывшая соседка, действующая подруга, — уточнила та. — Проходите, у нас пока ещё есть свободный стул.

Дан улыбнулся ей, пожал Руслану руку и поздоровался с остальными. Среди молодых гостей он выглядел старше всех. Они говорили громко, перебивали друг друга, спорили сразу о нескольких вещах. Дан слушал, отвечал на вопросы; Нина подождала, пока он поставит стакан, и потянула его к окну.

— Я тебе покажу. Здесь занимаюсь, свет хорошо падает. А книги поставила там, только верхнюю полку пока не разобрала…

— Нин, где нож для пирога? — позвал Руслан.

— В ящике, я тебе утром показывала. Подожди, сейчас найду.

Она отпустила Дана и поспешила на кухню. Нож лежал поверх ложек, в соседнем ящике.

— Ты куда смотрел утром?

— На тебя. Очень отвлекала.

Нина засмеялась и взялась за пирог. Пришлось найти ещё вилки, освободить место для тарелок. Когда все расселись, она оказалась рядом с Русланом, а Дан — напротив.

Заговорили о переезде. Нина вспомнила, как они собирали стул и долго не могли понять, почему одна ножка короче.

— Потому что кое-кто взял не ту деталь, — сказал Руслан.

— Потому что кое-кто сказал, что инструкция ему не нужна.

Галя подняла стакан.

— Тогда за устойчивость вашего дома. Во всех смыслах.

Гости засмеялись. Нина потянулась чокнуться с Даном; он поздравил её и Руслана, и она улыбнулась ему через стол. Ей хотелось, чтобы он тоже радовался за них.

Руслан положил руку на спинку её стула. Нина откинулась назад, коснувшись щекой его предплечья, и стала слушать спор друзей. Дан смотрел на неё, пока Галя не обратилась к нему:

— Вы тоже здесь учились?

— Нет. Нина мне рассказывала про ваш институт. Как у тебя с учёбой?

Галя охотно подхватила разговор. Вспомнила преподавателя, который мог испортить настроение целой аудитории, даже не повысив голоса, и принялась объяснять, как ему это удаётся. Дан задавал вопросы, а Нина, слушая их, успокаивалась: он освоится, просто здесь почти все ему незнакомы.

Позже она принесла чай и села рядом с ним. Руслан собирал освободившиеся тарелки.

— Я сначала боялась, что нам будет тесно. А сейчас привыкла. Здесь удобно, и до работы близко.

— Тебе здесь хорошо?

— Очень. Даже уходить утром не хочется.

Дан повернул чашку ручкой к себе.

— Тогда я рад, что вы её нашли.

Он ушёл раньше остальных. Галя договаривала историю, когда он уже надевал пальто, и Нина вышла проводить его на площадку.

— Ты сегодня тихий какой-то.

— У вас и без меня было кому говорить.

— Это ты про Галю? К ней привыкнуть надо. Зато скучно никогда не бывает.

Дан застегнул пальто.

— Позвони мне, когда будет свободный вечер. Погуляем вдвоём.

— Завтра посмотрю смены и скажу, когда смогу.

Она обняла его. За открытой дверью Руслан что-то сказал, гости рассмеялись, и Нина повернулась на голоса. Ладонь Дана соскользнула с её спины.

— Иди, тебя ждут.

Нина попрощалась с ним и вернулась в комнату. Галя сидела за столом, подперев щёку ладонью.

— Между прочим, я к вам на чай и без праздника приходить собираюсь.

— Приходи. Только полотенца каждый раз не покупай.

После ухода гостей они с Русланом убирали кухню. На столе осталась половина пирога, возле дивана — забытая бутылка, на спинке стула лежал Галин подарок. Руслан мыл посуду, Нина вытирала и расставляла по местам.

— Всё, больше не могу, — сказала она, убирая последнюю чашку. — Остальное завтра.

Он выключил воду и обнял её за талию. Нина вскрикнула, почувствовав мокрые ладони сквозь футболку, а Руслан прижал её к себе.

— Мы теперь действительно здесь живём.

— А до гостей ты сомневался?

— Немного. Вдруг ты просто вещи принесла.

Нина засмеялась и обвила руками его шею.

Легли поздно. Она слушала, как щёлкает холодильник, как за стеной шумит вода. Руслан сонно погладил её по спине. Нина придвинулась к нему и закрыла глаза.

* * *

В первые месяцы они узнавали друг друга в мелочах. Руслан оставлял пустую упаковку на столе и удивлялся, когда Нина спрашивала, почему нельзя сразу выбросить. Сама она раскладывала тетради так широко, что к вечеру не оставалось места для тарелки. Он убирал их стопкой, она потом искала нужные записи и просила ничего не трогать.

Иногда спорили, но чаще смеялись над привычками друг друга.

По утрам Руслан собирался на тренировку. Нина слышала, как он открывает шкаф, задевает сумкой стул, потом возвращается к кровати и целует её.

— Спи, тебе ещё рано.

Она ловила его за рукав, спрашивала, во сколько он вернётся, и снова укладывалась на подушку.

Если Нина задерживалась на смене, Руслан оставлял ей ужин. Мог заказать еду, купить что-нибудь готовое или сделать бутерброды; он спрашивал, чего ей хочется, и запоминал ответы. Однажды она пришла и увидела на плите тёплую кастрюлю.

— Это мне?

— Нам, — ответил он, поднимая голову от ноутбука. — Я тебя ждал. Вместе поедим.

Нина сняла куртку, подошла к нему и обняла сзади, прижавшись щекой к волосам. Руслан накрыл её руки своими.

Готовить она училась по рецептам, звонила Гале за советом. Иногда фотография и содержимое сковороды имели мало общего. Руслан пробовал первым, и по его лицу Нина определяла, стоит ли самой браться за вилку.

По выходным они могли долго не вставать, если у него не было игры, а у неё — смены. Разговаривали, целовались, засыпали снова. Нина привыкла к его прикосновениям, сама тянулась к нему, говорила, чего хочет. Могла смеяться над собственной неловкостью, а потом прятать лицо у него на груди, когда он начинал поддразнивать.

К бабушке она выбиралась реже, чем собиралась. То совпадали занятия и работа, то свободный день оказывался единственной возможностью побыть с Русланом. Нина звонила, предлагала что-нибудь купить и слышала, что Нина Тихоновна сама прекрасно справляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.